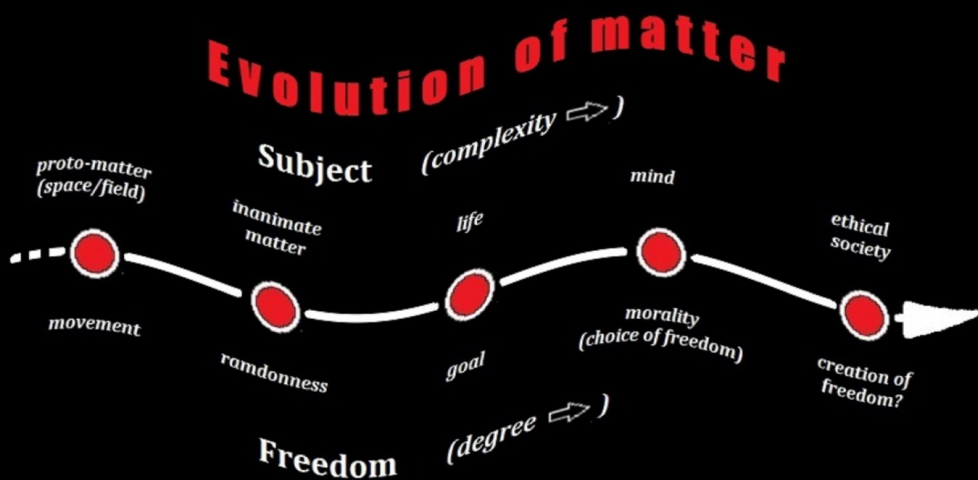

Илья Свободин

От детерминизма к свободе

метафизические основы этики

Илья Свободин

От детерминизма к свободе:

метафизические основы этики

2015

Аннотация

Обсуждаются сочетания свободы и детерминизма в объективной и социальной реальности. Объясняется почему свобода метафизическая основа этики. Изложение ведется в форме традиционного философского диалога: один спрашивает, другой отвечает.

© Илья Свободин, 2015, 2020

Введение. Проблема

Понятие "свободы" является самым загадочным в философии, а проблема "метафизической" свободы (иногда называемой проблемой "свободы воли") – без сомнения самой главной философской проблемой. На ней споткнулись абсолютно все философы, что не удивительно: не смотря на ясность постановки проблема неразрешима. В то же время ни один практически важный философский вопрос нельзя решить не привлекая свободы, ибо свобода – фундаментальное свойство человека отличающее его от остального мира. Ниже представлены некоторые неформальные соображения помогающие разобраться в проблеме свободы.

Прежде всего, не следует думать, что в свободе есть что-то мистическое, потустороннее или трансцендентное. Философия требует рационального мышления. Проблема с рациональностью однако в том, что если следовать только ей, мы никогда ничего не сможем объяснить, поскольку любое логическое построение требует исходных постулатов. Постулат – это проявление веры. Другое дело, что эта вера должна быть как-то обоснована. Наилучшее обоснование то, которое наиболее правдоподобно, которое наиболее точно отражает наши интуитивные ощущения окружающего мира. А поскольку философия, в сущности, занята именно постулатами, она требует не столько логических построений сколько умения быть "интуитивно правильным".

Таково, на мой взгляд, следующее утверждение: понять свободу до конца невозможно, поскольку и понимать свободу, и давать ей определения можно как угодно – в этом сущность свободы. Именно так мы "чувствуем" свободу – как способность думать, говорить и поступать наперекор всему. И если бы дело обстояло иначе, если бы мы знали как "работает" свобода, она бы исчезла! Поэтому свободу нельзя однозначно, "правильно" и "истинно" определить. Можно

лишь пытаться её осмыслить отталкиваясь от её противоположности – определённости, ограниченности, предзаданности, обязательности, необходимости, принудительности и т.п. Однако свободу нельзя считать и противоположностью чего-то (назовём это что-то "детерминизмом"), поскольку противоположность уже означает определение от противного. Будем считать свободой "всё кроме детерминизма", "всё что не детерминизм".

Но если мы не знаем и никогда не узнаем что такое "свобода", как можно обращаться с этой сущностью? Мы должны рассматривать свободу вместе с её антиподом детерминизмом как *объективные*, т.е. *независимые от нас* свойства, качества или аспекты мироздания. Такой подход позволяет свободу не только в какой-то степени осмыслить – распознать её проявления, увидеть её следы, но и, самое главное, положить в основание объективной, а значит и *единственно правильной* этики.

Можем ли мы быть уверены, что свобода действительно существует, что наши чувства не обманывают нас, что это не иллюзия или "социальная условность"? Нет конечно, но задавая себе очередной каверзный вопрос, мы лишь подтверждаем нашу способность понимать мир. Сама возможность сомневаться в свободе говорит о её наличии. Мы можем считать, что она у нас есть, а можем что нет, но это и есть наша свобода, наш свободный выбор, и он, как и результаты наших размышлений, непредсказуем. С сомнения начинается познание, и если нет свободы – нам не нужно познание: оно бессмысленно, потому что ничего не меняет. Но если мы сомневаемся, если мы задаём себе вопрос о свободе – значит мы ищем знание и значит наша свобода не обманывает нас. Свобода мыслить ведёт к свободе действовать и поскольку нами в конечном итоге руководит свобода – именно её мы проводим в мир своими действиями. И именно к ней направляет нас объективная этика.

Но как могут сосуществовать детерминизм и свобода и почему такая метафизическая свобода служит основанием этики? Давайте отбросим сомнения (или запасёмся ими) и начнём с начала, с первого вопроса.

Философия, наука, человек

– Давайте. Что такое философия? Зачем она?

Философию по традиции переводят как "любовь к мудрости". Философия объясняет, или лучше сказать, пытается объяснить мир.

– Ничего себе "объясняет"! Да в ней не поймёшь ничего!

Это тоже можно объяснить.

– Тогда может с этого начнём?

Хорошо. У непонятности есть две группы причин – объективные и субъективные.

– Ну вот, начинается!

Нет пока. Давайте начнём с объективных. Как вы думаете, каков главный вопрос философии?

– Что первично: работа или зарплата? Шучу.

Главный вопрос можно сформулировать так: "Что мы знаем о свободе?"

– Странный вопрос! Почему бы не спросить как-то посOLIDнее, понаучнее... Например: Что есть свобода? Звучит?

Звучит. Беда с ним в том, что ответа на него нет. Мы даже не можем твёрдо утверждать что свобода "есть".

– Ого! Прояснили!

Не надо падать духом. "Что мы знаем о свободе" тоже хороший вопрос. Более того, на него можно отвечать бесконечно долго, гарантируя работу всем будущим

философам, а это дело очень хорошее!

– Не уверен. Это значит лишь, что полной ясности так никогда и не будет!

Да, но зато будет всё ясней и ясней, а разве этого мало?

– Ну допустим. И что же мы знаем о свободе?

Вот это мы и обсудим далее. А пока заметьте самое важное – мы не знаем что такое свобода и даже существует ли она.

– Тогда зачем мы тратим на неё время? Да ещё всю философию под это запрягли?

Как минимум потому что свобода – то, что делает нас людьми. Без свободы наш мир невозможно понять, а понять свободу бесконечно трудно. Отсюда объективные непонятки с философскими текстами.

– Ну а субъективные?

Происхождение этой группы причин кроется в самих философях.

– Спасибо. Я думал, вы скажете – в читателях!

В них тоже, но к ним предъявлять претензии нет смысла.

– Согласен! А что не так с философами?

К счастью не со всеми. Есть очень много хороших философов – кратких и ясных. Особенно много их было раньше.

– Почему?

Я думаю их стало слишком много.

– Философов много, а свобода одна?

Всё шутите? К сожалению, философия постепенно перестала быть любовью к мудрости, а стала любовью к чему-то другому, например, к академическому результату. Согласитесь, это вовсе не "краткое и ясное объяснение сложных вещей".

– А не ошибаетесь ли вы?

По крайней мере этим правдоподобно объясняется не только обилие философских текстов, но и их пустота, схоластичность. Поневоле приходишь к выводу, что ныне главное умение философа заключается в том, чтобы выразить старую мысль новыми словами, а ещё лучше – запутать очевидную. Чем заумнее мысль, тем она кажется глубже, а философ – оригинальнее.

– Зачем же они это делают? Зачем им какой-то академический результат?

Не знаю точно, но одна причина очевидна – мыслители стали профессионалами.

– А чем это плохо?

Тем, что они не стремятся познать мир, а работают за зарплату. Их мотивация изменилась – им важна карьера, признание, деньги и множество других вещей, не имеющих отношения к познанию мира. Они утратили свободу.

– Материальное стало первичным?

Именно так.

– А разве нельзя познавать мир имея твёрдую оплату и много времени? И куда делась их свобода?

Если мотив человека иной, познания не получается.

Нельзя понять как устроен мир, если встроиться в социальную систему с жёсткими правилами и подчиниться её давлению. Истинная философия старается сделать сложные вещи яснее для всех и, по возможности, бесплатно – в этом её смысл. Понимая мир, нам легче жить и действовать в нём. Мы становимся свободней.

– Э-э... что-то вроде "свободные люди объясняют свободу чтобы стать ещё свободней"?

Да вы похоже философ! Да, если хоть в одном из этих трёх мест кроме свободы что-то другое, истины не получится.

– Что-то я пока не чувствую новой свободы. Хотя нет... чувствую, вы правы! Не буду читать современных философов, буду свободен от них!

Как мило.

– Ну а кто тогда объяснит мир вместо них? Наука?

Наука никогда не объяснит мир до конца, потому что она заранее ограничивает себя только его частью – той, которая может быть объяснена и описана экспериментально и рационально – математически и логически.

– Так это и есть настоящий, реальный мир! Факты и логика! Остальное – суеверия и фантазии!

Рациональное мышление нуждается в исходной точке для своих построений – предположении, аксиоме, постулате. Но сама эта исходная точка лежит вне его.

– Так для того и эксперимент, чтобы найти исходную точку, чтоб оттолкнуться!

Всякий эксперимент надо придумать, поставить и осмыслить. И этого не получится без готовой идеи, без размышления и плана.

– И что же это тогда за точка такая, которая вне науки?

Свобода. Её невозможно доказать, вычислить или ещё как-то обосновать. Свобода не подвластна рациональности, в неё можно только верить.

– Ну и точка! Выглядит словно она напрочь отсутствует!

В том-то и дело – это невозможно твёрдо знать, но все наши ощущения подтверждают – свобода присутствует в нашей жизни.

– Ну не знаю, ощущения, вера и прочие фантазии – это точно не философия!

Поэтому их надо осмыслить и сформулировать в виде конкретных тезисов для последующих размышлений. Это и будет исходная точка, и философия ищет именно её – то, откуда можно строить объяснения. Поэтому философия опирается не на логику, а на интуицию, правдоподобие и "здоровый смысл". Чем больше рассуждение похоже на правду, тем оно ближе к правде. И в этом, безусловно, важнейшую роль играют ясность и доступность философских текстов.

– Какое хлипкое основание! Сильно ли помог здравый смысл когда люди столкнулись с теорией относительности и квантовой механикой?

Логика помогла ещё меньше.

– А нельзя ли в объяснении мира обойтись без свободы? Мне кажется, мир понятен и без неё!

Это иллюзия. Мир кажется понятным, потому что мы привыкли к тем объяснениям, которые нам объяснили. Но их явно недостаточно. Мир полон парадоксов и наука бессильна против них. Только философия способна указать на границы

научного знания, а также на критерии его истинности. В частности, сейчас и учёные увлеклись академическими результатами, они даже сформулировали принцип "заткнись и вычисли". Страдает престиж науки. Учёным тоже нужна свобода для творчества. Без неё, а значит и без философии помогающей с ней разобраться, науки быть не может.

– Вы преувеличиваете. Результаты учёных доказуемы!

Наука давно перешла границу очевидного и легко доказуемого. Да, методы науки рациональны, научные факты публичны, а значит её выводы можно при желании проверить самому. Именно на эту прозрачность исторически опирались убедительность, авторитет и моральная сила науки. Однако и объёмы данных/знаний, и трудо/капиталоёмкость экспериментов, и теоретическая сложность доказательств давным давно таковы, что всё это стало недоступно одному человеку. Как всякое коллективное творчество наука должна опираться на этику, а значит моральное первенство должно вернуться к философии.

– Результаты науки внедряются в практику, мы все видим насколько лучше стала жизнь благодаря науке!

Да, там где перед учёными стоит конкретная практическая задача, успехи или неудачи сразу видно. Но наука не ограничивается практическими задачами. Самое важное – фундаментальные исследования и как раз там ситуация куда менее удовлетворительна. Вопросы имеются даже к классической физике, не говоря уже о квантовой механике, поставившей под сомнения самые базовые философские понятия. А последние физические теории, типа "струн", вообще похоже мало кто воспринимает всерьёз.

– Вот как? Но кто тогда поверит философии, если даже науке некоторые не верят?

"Кто" и "некоторые" – принципиально разные группы людей и подобные различия, к сожалению, неизбежны. Но

если говорить о сути дела, то повторю: ясность, правдоподобие и другие способы обращения к разуму человека – единственный способ добиться доверия. Авторитетом и пропагандой его не добьёшься.

– Науку, обладающую практически бесконечным авторитетом пытается подмять под себя какая-то религия? Самим не смешно?

Философия не религия. Религия, как и "религиозная философия", обращается не к разуму, а к чувствам.

– В смысле?

Опора на бога – психологическая потребность, она не имеет разумного объяснения. Соответственно, никаких рациональных выводов религия, в отличие от философии, предложить не способна. И если вы считаете истинную философию видом религии, а в науку верите из-за её авторитета – вы, вероятно, принадлежите не к той группе людей с которой есть смысл разговаривать. Подумайте об этом.

– Подумал. Непонятно.

Свободный человек опирается на разум, а не на авторитет, включая авторитет бога.

– А чем вера в свободу отличается от веры в бога?

Во-1-х, тем что мы ощущаем разницу: свобода – внутри нас, мы способны удостовериться в ней. Бог – вовне, мы можем только гадать о нём. Во-2-х, свобода даёт выбор, налагает личную ответственность, она – для сильных духом. Бог – для слабых, он наставляет, защищает и подчиняет. В-3-х, свобода доступна анализу, она может служить базой для моральных суждений. Бог – чистая фантазия, абсолютно неясно, какие суждения следуют из этой идеи, а потому идея бога должна обязательно сопровождаться "священными"

текстами объясняющими его волю. Отсюда вытекает в-4-х: религия всегда опирается на социальные структуры, обеспечивающие ей организационную, финансовую, психологическую и теоретическую (точнее индоктринальную и методологическую) поддержку. Философия обходится, точнее должна обходиться, текстами, желательно ясными и осмысленными.

– И тем не менее, я опираюсь на свой разум и настаиваю: всё лежащее вне науки – суеверие и мракобесие!

Вовсе нет. Мы все прекрасно понимаем, когда имеем дело с суевериями, а когда – с "ненаучной" частью мира.

– Что же это за ненаучная часть, если не суеверие? Опять свобода? Тогда объясните, почему свобода не суеверие! Можно ли как-то убедительно объяснить, что такое свобода?

Свобода – это чувство, ощущение своей личности, своего "я". Я – это и есть свобода: свобода мыслить, говорить и действовать. Разве этого мало?

– А может свобода лишь сон? Философия не может доказать существование даже объективной реальности, не то что какой-то там свободы!

Может, почему нет. Но для начала надо принять аксиому. Она простая: вы существуете. Похоже на правду?

– Допустим.

Ну вот. А что такое "вы"? Это ваша свобода мыслить, говорить и действовать. Без перечисленного нет никакого "я".

– А вот и нет! Допустим думать я ещё могу свободно, но уже говорить – не всегда, а действовать – так вообще если дадут!

Вот видите? В этом всё дело.

– Какое дело?

Смотрите. Если собственная свобода, т.е. собственное "я", вполне очевидна и проявляется в самой способности мыслить и сомневаться, то свобода действовать – органическое продолжение свободы мыслить – наталкивается на препятствия. Откуда они берутся? От очевидного противодействия чего-то такого, что не является "я". Именно это противодействие, как правило более сильное чем воля человека, доказывает существование "не я", т.е. объективного мира вне человека. Существование, по крайней мере, того же уровня реальности, что и существование самого "я". Вот так вера в собственную свободу автоматически продлевается в веру в объективную реальность.

– Хм... А может "я" – это моё тело?

Вот оно-то и есть первая детерминированная реальность, ограничивающая свободу вашего "я", которое, заметьте, нематериально. Ведь даже когда вам никто не мешает, ваше тело не позволит вам многое из того, чего бы хотело "я".

– Но всё вокруг может быть сном! И мысли, и слова, и я, и вы...

А что если я сейчас вас ущипну? Разве это не послужит доказательством?

– Это не честно! Доказывать надо словами, логикой!

Кто вам сказал? Доказательство должно быть убедительным – только и всего. Логика способна убедить только некоторых. Другое дело реальность – она гораздо убедительнее.

– Но философия – это же слова!

Да, слова, но они опираются на реальность. Что толку говорить, если слова нельзя проверить? В конце концов, исходные положения философии невозможно доказать, они просто должны быть максимально правдоподобны.

– То есть критерий философской истины – некое "правдоподобие"?

Правдоподобие не берётся из воздуха, оно опирается на опыт и здравый смысл. Он же у вас есть? В конце концов, нет ни одного философа всерьёз придерживающегося позиции солипсизма, хотя с точки зрения логики она не хуже других. О чём-то это говорит?

– Ну хорошо, убедили. И что из всего этого следует?

Суть этого краткого рассуждения в том, что свобода так же реальна как и объективный внешний мир.

– Но внешний мир – он понятен, а вот свобода... Можно ли как-то в ней удостовериться? Внутрь себя не заглянешь. Вдруг все мои мысли уже заранее заложены где-то в голове?

Тогда вы бы не спрашивали меня ни о чём! Именно свобода виновата в том, что мы сомневаемся, задаём вопросы и ищем на них ответы. Иначе мы жили бы как живут все те, в ком уже заложены все их мысли – животные. Или те, кого устраивают авторитетные объяснения... но не будем о них.

– Я задаю вопросы, потому что вы попросили!

Неужели?

– Потому что мне любопытно!

Не обманывайте себя.

– Ну хорошо. Зачем я задаю вопросы?

Что бы познать мир и стать свободнее. Нельзя же бесконечно сомневаться! Общение с другими, вопросы и обсуждение – единственный способ добраться до истины. Поэтому у нас и получается такая форма общения – диалог, как в старые добрые времена. Сама философия возникла из дискуссий, она – продукт общего разума, а не следствие наблюдений, анализа и натуралистических экспериментов. "Знание о свободе" начинается с сомнения, а продолжается в вопросах.

– Что толку в моих сомнениях? Кто я такой?! Иное дело наука! Учёные специально во всём разбираются, они умные!

Нельзя перекладывать на других заботу о собственной свободе. Задавая вопросы и размышляя над ними, человек формирует себя, наполняет свой разум смыслом, а затем осмысленно действует. Но если нет свободы, зачем его познавать? Ведь мы не сможем ничего изменить!

– Но от науки есть практическая польза, она улучшает жизнь, и никакая свобода тут ни при чём!

Наука улучшает жизнь только тех, кто может воспользоваться её результатами. Наука не в состоянии сделать свободными всех, да это и не её задача. Для этого нужно общее участие, поскольку это вопрос свободы. Философия – общее дело.

– Ещё как способна! Социальные науки заняты именно этим – организуют общество так, чтобы всем было хорошо!

Социальная наука имеет дело с человеком, а значит должна опираться непосредственно на философию. Иначе она превратится в идеологию, не имеющую ничего общего с истиной. Как, к сожалению, и происходит.

– Не верю. Приведите пример.

Одна наука объявила человека рациональным эгоистом, озабоченным только выгодой. Другая объявила его развитым животным, вид "гомо-сапиенс". И та, и другая пытаются с этих позиций объяснить происходящее в её предметной области. Или, скорее, подтвердить этим господствующие идеологические установки.

– Значит так и есть. Я верю науке, мы – эгоисты и развитые животные!

Не стоит кривить душой. Философия требует полной искренности. Только тогда она будет способна не только убедить доверять науке, но и сделать саму науку более правдоподобной.

– По-моему, наука всё же в целом вполне правдоподобна.

Для начала наука должна признать, что она бессильна против свободы, и что люди – хоть они и произошли от животных – свободны задавать вопросы, думать и действовать, в результате чего они могут отказаться быть животными или эгоистами.

– Но все наши потребности, включая любопытство, эгоизм и социальные инстинкты, заложены природой и имеют научное объяснение! Потому и результат вопросов ничего не меняет!

Вы пытаетесь отрицать собственную свободу. Будьте честны. Наука не способна объяснить даже саму себя, не говоря уже о том, чтобы объяснить свободу. Животные, даже самые развитые, не задают вопросов – они и так знают всё, что им надо знать. Если человек ищет истину – он свободен.

– А разве животные не любопытны? Разве они не способны учиться?

В отличие от человека, всё их любопытство и все их способности к обучению запрограммированы природой. Их действия ограничены заданными целями – выживанием.

– А человек не выживает?

Не всегда. Человек, как известно, способен жертвовать собой ради высшей цели и в этом одно из проявлений его свободы.

– Откуда же берётся у человека свобода, если все наши действия тоже заданы заранее – биологией, воспитанием, влиянием внешних обстоятельств?

Как материальный и биологический объект, человек подвержен объективным законам, но поскольку свобода – такое же объективное свойство человека, он способен иметь своё уникальное мнение и потом действовать в соответствии с ним, зачастую противясь любым законам.

– Неубедительно как-то. Нигде вокруг свободы нет, а у человека есть?!

Почему нет? Очевидно, что если у человека есть свобода, она – реальное свойство мироздания. Именно от него свобода "проникла" в человека.

– Но тогда, если свобода есть в природе, всё в ней, включая животных, точно так же свободно как человек!

Не так же. Свобода, вложенная в животных, очень ограничена. Но при этом они всё же свободней мертвых тел.

– Свободней? Докажите!

Не могу. Свобода не поддаётся формализации. И тем не менее, согласитесь с очевидным. Живая материя свободнее косной, а человек – свободнее животных. В отличие от

остального живого мира, он сознательно стремится к свободе, поскольку понимает и принимает её. Ради этого он думает, переосмысливая заложенные в него истины и переоценивая ценности, а затем обсуждает свои выводы с другими – как мы сейчас.

– И что из того?

Поиск истины меняет человека, делает его лучше, создаёт его уникальную личность. В этом заключается личная свобода – в реализации собственного "я". Это трудно и не всем даётся, поскольку склонность рассудка коллекционировать всевозможные общепринятые и авторитетные знания эволюционно выгодна для выживания. Именно способность постоянно ставить их под сомнение, т.е. задавать вопросы и искать ответы, является признаком разума. Так и получаются наука с философией. Ваши вопросы показывают, что вас не устраивают привычные объяснения – значит вы хотите быть свободным.

– А если я не верю в свободу?

Поверьте, только свободное существо может задавать осмысленные вопросы.

– Компьютер тоже может задавать вопросы! Точно так же и человек – он запрограммирован природой!

У компьютера нет свободной цели, ему не нужна истина и это сразу видно по его "вопросам". Если человек запрограммирован – с ним нет смысла объясняться. Он ничего не поймёт и не изменится – как и компьютер он аморален. Если вы считаете, что вы робот, компьютер или развитое животное, а всё что вы делаете – включая ваши вопросы – уже заложено в вас заранее, нам просто не о чем говорить. Решайте.

– Демагогия! Что если мы оба просто следуем нашим программам?

Я знаю, что я не следую, и если вы робот – я просто не буду продолжать. Это будет мой свободный выбор, поверьте.

– Ну ладно, верю, давайте продолжим. Поглядим, что вы ещё выдумаете.

Поздравляю! Вы только что признали правдоподобие предыдущих объяснений и реальность свободы. Задавайте вопросы дальше.

Пространство, время, развитие

– Ну хорошо. Откуда взялся мир?

Отличный вопрос. Он отражает наше понимание мира как процесса.

– Что значит процесса?

Это значит, что мир всё время меняется. В нём нет ничего неподвижного, стабильного, постоянного. Откуда бы мир не взялся – до него было что-то иное.

– А что было до него?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо понять как и почему меняется мир.

– Юлите? Ну и почему он меняется?

Потому что у процесса есть некая "движущая сила" – то, что заставляет мир двигаться, некая первопричина.

– И это конечно свобода?

Конечно. Свобода движит не только человеком, но и всем вокруг.

– Чушь! Даже если она и движит некоторыми особо умными, не факт, что она движит чем-то ещё!

А что же по вашему заставляет двигаться мир?

– Не знаю. Вы взялись, вы и объясняйте.

Я пытаюсь. Задавайте лучше вопросы.

– Ладно. Как мир меняется?

Как и всякий процесс, бытиё мира имеет направление,

иначе мы бы не могли говорить об изменении.

– Каково же направление?

От того что было, к тому чего не было. От старого к новому.

– А разве нельзя меняться без направления, по кругу? Возвращаться назад, к тому, что уже было?

Нельзя, потому что тогда вместо процесса был бы цикл.

– А разве это не так? Ничто не ново под Луною! Всё, что появляется, рано или поздно исчезает! Все мы умрём!

Умрём – но вместо нас появится то, чего ещё не было. Например, наши могилы.

– Но мы-то исчезнем!

Кроме могил, появятся дети и внуки, а главное – новые идеи. Подумайте над вопросом: если бы "под Луною" не было ничего нового, Вселенная была бы полна других цивилизаций, а где они?

– Где? Под Луной их нет!

Вот именно. Их нет или, вероятно, мы до них пока не добрались. Единственное разумное объяснение: мы – одни из первых по крайней мере в обозримой части Вселенной. Что доказывает факт однонаправленного процесса. Вселенная слишком молода, у неё не было времени создать достаточно собратьев по разуму.

– А если Вселенная пульсирует? То развивается, то схлопывается?

Это не решает проблемы повторения.

– А может мы просто особенные?

Это несерьёзно. Короче, несмотря на то, что всё вокруг явно циклично, эти циклы в сущности спираль: на смену старого всегда приходит то, чего не было. В рождении нового выявляется смысл процесса – развитие, усложнение мироздания, его качественное изменение. И оно тоже бесконечно.

– И в чём смысл бесконечного усложнения?

А в чём смысл тупого количественного роста? Создание нового куда привлекательней – в том числе самому мирозданию. Полагаю, не будет развития, не будет и мироздания. Это такой способ его бытия – а точнее того, что его создаёт.

– Свободы?

Именно.

– Ну а сам мир? Он появился или был всегда?

Нечто существовало всегда, если предположить, что само "всегда" – тоже существовало всегда.

– Ну и что же это за "нечто", что существовало "всегда"?

Это, скажем так, Ничто.

– О, так я и думал...

Если есть направление, оно указывает что было раньше и что будет потом. А поскольку направление – "от небытия к бытию", что было раньше – Ничто, а что будет в конце – Всё. Видите как просто?

– И как этот бред можно вообразить?

К сожалению никак. Ни Ничто, ни Всё не существуют сами по себе. Возьмем Ничто. Ничто – это уже отрицание

самого себя, ведь само "ничто" существует. Аналогично, Всё – это тоже отрицание самого себя, ведь "всё" должно включать в себя и "ничто". Так, Ничто и Всё парадоксальны и непостижимы разумом, а значит правдоподобно считать, что мир есть однонаправленный процесс без начала и конца. Ничто и Всё существуют лишь как составляющие его направления, а свобода – как его первопричина.

– В общем, одна болтовня.

Если спрашиваете "откуда взялся мир" – будьте готовы к самым странным построениям.

– Ну а как выглядит "процесс"?

Мы не можем мысленно идти вперёд, поэтому давайте пойдём назад. Если идти назад, мы увидим всё более простой и примитивный мир, в котором постепенно исчезает всё вокруг. Ну и поскольку так идти можно бесконечно, эта "примитивность" так же бесконечно сложна.

– Если рано или поздно исчезает всё, значит остается одно пустое пространство?

Пространство скорее всего тоже "свернется". Пустого пространства вероятно быть не может. Кроме того, пространство – это "что-то", а значит оно тоже должно было когда-то появиться.

– Но куда же оно свернется? Что останется вместо него?

Это "что-то" можно представить себе как бесконечно малую точку. По мере того, как в этом пространстве появляется новое, оно становится больше. Но больше не в смысле большего пространства, поскольку неясно с чем его сравнивать, а в смысле его "уплотнения" – больше нового, того что существует.

– Но тогда точкой где?!

Да неважно. Главное, что все эти соображения не имеют практического значения и являются только мысленными конструкциями.

– В чём тогда их смысл?

Только в том, что мы можем их мыслить. Это доказывает нашу способность соображать, пусть и довольно бестолковую.

– Тогда если идти вперёд, то получится расширение Вселенной?

По аналогии с вашим вопросом спрошу – расширени куда? Возможно, "расширение" – лишь иллюзия: чем ближе мы захотим подобраться к краю пространства, тем скорее оно от нас убежит. Появление нового "расширяет" пространство, но опять таки не в смысле пространства как такового, а в смысле существования того, чего ещё не было. Ведь измерять пространство можно только отталкиваясь от того, что оно содержит, не так ли? Пространство становится более ёмким.

– И так до бесконечности?

Очевидно. Бесконечно малое и бесконечно большое – это всё та же непостижимость движения от "ничего" ко "всему".

– Но учёные подсчитали размер и массу Вселенной! Наша Вселенная конечна!

И что там за краем? Другая Вселенная?

– Края нет. Вселенная замкнута сама на себя!

Если Вселенная конечна, у неё есть конец. А значит есть и продолжение за концом.

– Вы не понимаете. Пространство – часть чего-то многомерного: оно "криво" в следующем измерении и благодаря этому замыкается на себя. То есть за концом нет ничего.

Если бы пространство имело четвёртое и более измерения, наш мир выглядел бы совсем иначе. Начнём с того, что параллельно нашему миру, в другом измерении, существовали бы другие миры и материя постоянно "путешествовала" бы между ними. Мы бы видели странные вещи – например, что предметы то появляются, то исчезают без всякой видимой причины, примерно так, как появляются контуры движущейся трехмерной фигуры в её неподвижном двумерном сечении. Однако мы напротив, видим, что массы, импульсы движения объектов и некоторые другие характеристики строго сохраняется, а если и исчезают – мы знаем куда. Наше пространство вполне "самодостаточно", несмотря на то, что оно всё ещё полно загадок. Учёные пользуются большими размерностями лишь для удобства моделирования.

– Есть мнение, что спутанные частицы – на самом деле проекции чего-то единого, существующего в другом измерении.

Если "спутанность" действительно существует, имеющегося пространства должно быть достаточно. Мы же до сих пор не знаем чем оно наполнено, так?

– Бесконечность плохо укладывается в голове...

Да, в этом главная проблема разума, мешающая нам вообразить мир во всей его полноте. Но есть и хорошая новость – процесс познания бесконечен как и все прочие процессы, а значит есть смысл соображать дальше – процесс даёт результат.

– Каким образом он его даёт?

Процесс всегда предполагает новое, в данном случае новое знание.

– Если мы не можем осмыслить бесконечность, мы никогда не поймём, откуда взялся мир и куда он идёт!

Не поймём до конца, но поймём достаточно. Говоря иначе, окончательная истина может быть и недостижима, но достижима промежуточная и этот факт придаёт смысл поиску.

– Но почему же мы не можем осмыслить бесконечность и узнать окончательную истину?

Потому что свобода непознаваема, а в основе мироздания – а также истины – лежит именно она. Бесконечность – её "фирменный знак".

– Мир непознаваем потому что непознаваем. Действительно, очень понятно!

Не надо иронизировать. Помимо свободы есть детерминизм и он отлично познаваем. Это именно из-за него нам всё время хочется увидеть какие-то границы, какую-то конечность, какие-то начало и конец. Мир постоянно меняется, движется, но не всякое изменение предполагает новое. Если движение происходит по кругу – оно предсказуемо. Значит детерминированный мир имел бы границы и был замкнутым. Но благодаря свободе движение не повторяется, а границы исчезают – бесконечность процесса неотделима от свободы.

– Если всё меняется, как возможен детерминизм?

Если есть изменения, должно быть и нечто постоянное. Новое возможно только по отношению к старому.

– А время тоже меняется?

Хороший вопрос. Чем меньше всего существует в мире, тем медленнее время. Если нет ничего – нет и времени. Но по мере появления нового, в мире происходит всё больше изменений. Значит и время тоже течёт быстрее, ведь время не существует "само по себе" – это лишь отражение изменений, причём что важно – необратимых.

– Если раньше время текло медленнее, значит когда-то оно вообще "стояло"? Например, произошёл Большой Взрыв и началось время?

Нелепо всерьёз считать, что время началось в какой-то момент времени. Можно принять гипотезу Большого Взрыва, но со следующим важным дополнением: чем ближе к "взрыву", тем медленнее текло время и достичь его – даже мысленно – мы не можем, примерно как материальное тело не может достичь скорости света. Соответственно, мы не можем знать как давно был этот "взрыв", поскольку сами единицы времени непостоянны.

– Почему же они непостоянны?

О каком времени можно говорить, если тогда не было даже атомных часов?

– Но физические константы и правила математики не меняются! Пусть они и появились позже, почему нельзя их применять ретроспективно?

И много мы можем понять применяя их таким образом? Они не могут объяснить собственное появление, а это – именно то, чего нам в конечном итоге хотелось бы. Кроме того, что мешает константам меняться? Точнее меняться асинхронно – чтобы эти изменения было можно заметить?

– Но они же фундаментальные?! На них основано всё!

Нет ничего фундаментального кроме свободы.

– Ну и ну... Значит, если я правильно понял, мы не можем сказать, что сколько-то там миллиардов лет назад было "начало"?

Да, это условность. Если мы вообразим движение назад во времени, то до "начала" (взрыва или чего-то ещё) было бы всё равно бесконечно далеко. Край времени похож в этом смысле на край пространства.

– И по аналогии можно сказать, что тогда не было и единиц длины, а значит и пространства?

Сингулярность Большого Взрыва означает бесконечные плотность и температуру в бесконечно малой точке. Но что было на "самом деле" более элегантно описывается словом "ничто". Для процесса нужен лишь бесконечно далекий первоначальный толчок, чистая энергия для дальнейшего развития – Ничто потенциально содержащее в себе Всё. Вот и всё "начало", другого мы вряд ли получим. В любом случае это не наука, а философия.

– А может ли время течь назад? Вдруг до Большого Взрыва оно на самом деле текло обратно?

Не знаю насчёт зеркального отражения времени, но в нашей Вселенной такого точно не может быть.

– Но если Вселенная перестанет расширяться и начнёт сжиматься, времени придётся течь назад!

"Назад" означает, что новое должно исчезнуть, а весь мир оказаться в точности таким же как он был раньше. Если бы не было направления процесса, так бы оно и было – всё бы повторялось. Но возврата назад быть не может, иначе не было бы самого времени.

– Почему? Почему нельзя представить себе, что люди вымрут, Земля распадётся, а всё вернётся в исходную точку?

И опять возникнет Ничто!

Хотя вообразить такое возможно, весь наш коллективный опыт пока говорит только об одном – что, хотя процессы распада безусловно существуют, время движется только вперёд. Происходящие изменения необратимы, не может в точности повториться то, что уже было. Как бы существующее вокруг не распадалось, как бы оно не исчезало – его конфигурация оказывается отлична от того, что было раньше. Хоть что-то будет иначе. А значит время никогда не возвращается назад. Процесс идёт.

– И всё же движение от "Ничто к Всё" не слишком вдохновляет. Болтология какая-то, а не объяснение.

Тогда предлагаю такую интерпретацию Ничего и Всего: первое – детерминизм, второе – свобода.

– Час от часу не легче!

Чем характерно Большое Начало? Тем, что от него некуда деться, кроме как двигаться вперёд. Это же в конце концов первый толчок? Ничто – это полная, крайняя необходимость. Но чем дальше идёт процесс, тем больше возможностей, вариантов движения и развития, больше всего. А чем больше всего, тем больше свободы, разве нет? Ну и если свобода управляет процессом движения мироздания, логично предположить, что она ведёт его куда ей надо, а значит в конце процесса находится именно она. Так появляется смысл движения – свобода порождает новые сущности, наполняя мир новым содержанием, которое, очевидно, берётся из самой свободы! Свобода творит себя, творя мир.

– Поэтично, но не слишком убедительно!

Почему нет? Процесс есть? Есть. Изменения есть? Есть. Время есть? Есть. Если бы Вселенная была статична или пульсировала, в ней всё повторялось – ведь физические

законы везде одни и те же. Можем ли мы себе вообразить бесконечное количество наших копий, нашего этого диалога, бесконечное количество любых вариантов нашего прошлого и будущего? Это слишком неправдоподобно, это явно противоречит нашей свободе мыслить и действовать, свободе творить будущее как нам хочется. Получается, что такая "неполноценная" бесконечность формы Вселенной приходит в противоречие с бесконечностью её содержания, её разнообразия. Наша свобода требует "полноценной" бесконечности, бесконечности во всём, и развитие от "ничего ко всему" – единственное возможное решение. Именно отсюда вытекают наши рассуждения, пусть они и кажутся на первый взгляд нелепыми. И, кстати, что это говорит нам о свободе? Что её "существование" внутри нас ведёт к её "существованию" вне нас: в развитии проявляется та же самая свобода творчества, только на этот раз "творчества" мироздания. Это именно свобода не повторяется, это именно она движит процессом, она – его творческая сила!

– Ну насчёт повторения не знаю... Мы, например, уже явно повторяемся.

Верный знак, что беседу пора завершать.

Детерминизм, материя, движение, сила

– Поймите, но мы так ничего и не выяснили! Например, если всё меняется, то как можно что-то знать? Откуда тогда берётся наука?

Потому что несмотря на изменения, есть и что-то постоянное – новое становится старым и его можно изучать.

– А старое разве не меняется? Всё вокруг постоянно движется!

Да, процесс таков, что ничто не стоит на месте, процесс глобален – он как бы распадается на множество процессов. И новое, и старое – это тоже процессы.

– И мы, и наши могилы – это процессы?!

Конечно. А разве нет?

– Ну и как же тогда изучать мир?

Есть изменения, или процессы, которые можно считать повторяющимися, а есть – одноразовыми.

– И что?

Для того, чтобы понять мир, надо прежде всего понять что такое "понять". Для этого надо посмотреть на сам процесс мышления. В процессе мышления мы тоже различаем мысли (и вызывающие их явления), которые повторяются, и мысли (и явления), которые не повторяются. В частности, сами наши логические выводы получаются в результате повторения, включая рекурсию, нескольких типов мыслительных приёмов. Эта способность запоминать прошлое и различать повторения – а также повторять действия – ключевое свойство нашего рассудка. Кстати, способность моментально различать циклические и нециклические процессы хорошо видна в феномене музыки.

Мы не только "слышим" музыку – нам нравится оригинальная музыка и не нравится банальная. Вообще, музыка – это своего рода упражнение в чередовании повторения и изменения, начиная от гармонических колебаний, до фраз мелодии, до структуры композиции, до различения старого и нового!

– Музыка это замечательно, согласен, но не отвлеклись ли мы? Как это относится к науке?

Чем больше мы повторяем что-то, тем лучше понимаем, а если ещё опишем формулой – наше понимание достигнет просто удивительных высот.

– Почему это?

Обобщение – дорога к знаниям. Мы познаём мир обобщая результаты наблюдений, это называется "индукцией". Выделяя повторяющееся мы угадываем будущее, а предполагая будущее мы можем ставить эксперименты и проверять наши знания. Если оказалось, что наша гипотеза о будущем, а тем более выраженная в строгом математическом виде, оказывается всегда верна, мы говорим что "знаем". Мы например знаем, что если бросить камень в окно, оно разобьётся. Всякое такое знание опирается на иное подобное знание и только в самом конце цепочки мы опираемся на чувства и ощущения. Так, мы знаем, что камень тяжёлый, а стекло хрупкое. Почему? Мы много раз поднимали камень и разбивали стекло. Связать одно знание с другим – камень и стекло – это и есть понимание, и иного понимания у нас нет и быть не может.

– Странно, я стёкла не бил, но понимаю... Ну хорошо, значит повторения достаточно, чтобы знать будущее?!

К сожалению, только частично, ведь чтобы увидеть и запомнить повторение, надо долго наблюдать, а наше время – и личное, и коллективное – ограничено. Строго говоря, что бы достоверно знать будущее, надо было наблюдать

бесконечно, с самого начала.

– Нет, понимание это не только знание будущего. Важно, например, понимать чужие слова. А я вот сейчас не очень понимаю – как смысл слов связан с повторением?

Это потому, что мы мало повторяем. Понимание – это всегда соотнесение с прошлым, с повторенным, вписывание в имеющуюся картину мира. Так, понимание слов – узнавание в них знакомого смысла: вспоминание привязки к ощущениям или к другим словам. Поэтому давайте повторим. Наше понимание мира вытекает из распознавания повторяющихся процессов. Повторение имеет интересные последствия: если мы можем выделять повторение, мы начинаем замечать и такое свойство окружающего мира, как ограниченность – повторяться может "что-то", и это "что-то" отделяется от "остального". Возникает понятие предела, границы. Отсюда, в свою очередь, вытекают свойства однообразия, подобия – многократное повторение выделенное в пространстве формирует объекты, их множества, так возникает концепция класса объектов. Отсюда, в свою очередь, вытекают такие свойства как взаимозависимость, взаимодействие, отношение, относительность – ведь наши объекты теснятся в уже ограниченном пространстве, они начинают взаимодействовать, сравниваться друг с другом, отличаться друг от друга. Повторение во времени сочетаемое с повторением в пространстве приводит к изменениям, переходам между множествами, откуда, наконец, вытекает причинность и сила (или сила причины).

– Сейчас я понимаю ещё меньше. Вот есть чёрное и белое, есть граница между ними. Я её просто вижу. При чём тут повторение?

Чтобы заметить чёрное и белое, нужен процесс – перевести глаза например. Но перевести глаза мало. Заметить разницу между чёрным и белым можно только если

иметь память, а память возникает из потребности – и способности – повторять. Поэтому самая первая способность видеть чёрное и белое появилась когда процесс "движения глаз" начал повторяться. Но к нам с вами это не относится – момент появления нашей памяти сокрыт в глубине веков.

– Получается, из повторения вытекает всё?

Почти. Если назвать комплекс свойств вытекающих из повторения "детерминизмом" (или явлением "детерминизма"), то явление вытекающее из неповторения остаётся назвать... угадайте!

– Да что тут угадывать!

Да. Свобода проявляется в противоположном комплексе свойств, и следовательно, заменяет ограниченность бесконечностью, однообразие и подобие – разнообразием и уникальностью, взаимозависимость и взаимодействие – независимостью, относительность – абсолют, причинность и силу – их отсутствием.

– Но почему именно она?

Мы ж говорили – время не повторяется. Соответственно, всё связанное с неповторением – уникальность, разнообразие и т.д. – проявления свободы. Антипод свободы, очевидно, полная повторяемость.

– А ясно... поэтому свобода непознаваема?

А как можно познать то, что не повторяется?

– Но материальный мир тоже непознаваем! Невозможно не только полное знание всех деталей мироздания, но даже конкретных характеристик одной единственной микрочастицы – вспомните принцип неопределённости!

И тем не менее, он не мешает нам исследовать

микромир и выявлять его закономерности. В мироздании много такого, чего мы не понимаем и во что даже трудно поверить – скажем, спутанность и корпускулярно-волновой дуализм – но и это можно использовать, если оно повторяется и может быть математически описано. В этом смысл детерминизма.

– А разве детерминизм – это не причинность, не полная предопределённость будущего?

Да, обычно детерминизм так и определяют, но это слишком узкое определение. Во-1-х, причинность – сложное понятие, оно может включать и целесообразность, а во-2-х, предопределённость никогда не бывает 100%-ой. Тем не менее, даже смутно предполагаемое, вероятностное будущее вполне может быть детерминированным. Наше определение полнее, ведь всякая предопределённость проявляется именно в повторении. Как иначе узнать что будет? Только угадывая в будущем прошлое. Это свобода делает будущее неопределённым.

– Но тогда детерминизм – субъективная концепция! Ведь кто-то угадывает, а кто-то нет!

Угадывает или нет – неважно, даже если никто не угадывает, повторяемость имеется. Как бы то ни было, "предопределённость" предполагает "знание" о будущем. А "знание" означает, что некое видение будущего уже существует – но это и значит, что будущее уже как-то проявилось в прошлом, что будущее повторит нечто из прошлого.

– Значит, по-простому, в повторении проявляется детерминизм, а в неповторении – свобода?

Да. Можно сказать, что новое, как выход за пределы повторяемости – качественная (в противоположность количественной) бесконечность, бесконечность разнообразия. Рождение нового приводит к бесконечному

движению, потому что частный случай повторения – неподвижность. Порождение нового, время и свобода связаны напрямую.

– Что реально, на практике даёт нам понимание всех этих абстракций?

Нетрудно видеть, что те изменения, которые повторяются, как раз и выражают сущность чего-либо, сущность того, что стоит за этими повторениями – как например, "мы и наши могилы". Наблюдая повторения, мы можем понять эту сущность, описать её и получить то, что мы называем "закон природы". Одноразовые изменения наблюдать невозможно, потому что само наблюдение требует повторения. Одноразовый процесс порождает новое и этим задаёт течение времени, делая невозможным возврат назад. В свою очередь, новое, раз появившись, вполне может начать повторяться, оказаться замеченным и быть описанным законом. Тогда этот новый закон будет описывать поведение новой (т.е. уже старой) сущности.

– Но закон природы не выражает поведение "сущности"! Он описывает причинно-следственные связи!

Да, но всякая сущность проявляется именно в постоянстве, а значит в повторении. Само существование – не что иное как повторение самого себя, своих проявлений во всевозможных взаимодействиях. Описывая причинно-следственную связь, мы фактически описываем природу, или характер, сущности.

– А разве сущность не может постоянно меняться?

Все сущности меняются, но в отличие от свободы, они меняются "по кругу" – т.е. их проявления повторяются. Единственная сущность, которая никогда не повторяется – свобода, а потому мы её не понимаем. Остальные сущности мы наблюдаем вокруг себя и можем их по мере сил понимать.

– И что же мы понимаем? Какова, например, природа этих сущностей?

Мы не знаем в точности. Всё что мы знаем из нашего наблюдения – закономерности в их поведении. Собственно, вся проблема познания лежит в способе, каким мы познаём мир. Мы распознаём объекты (сущности) только тогда, когда они стабильны – повторяются демонстрируя одни и те же свойства и характеристики. Но повторения не происходят сами по себе, поскольку сущности проявляются только во взаимодействии с другими сущностями. Скажем, электрон ведёт себя как частица или волна в зависимости от типа взаимодействия – мы не можем сказать, какой он "на самом деле", но всегда знаем что это именно он. Иными словами, любые повторения оказываются вписаны в другие повторения – мы фиксируем повторения как причинно-следственные связи. Эти связи – всё, что мы можем узнать о сущностях. Мы не можем понять те повторения, которые не вписываются в другие. И, очевидно, в случае свободы, эта ситуация обостряется до крайности – свобода не укладывается в способ каким мы познаём мир.

– Уточните, откуда берутся сущности...

Мы не можем знать, откуда берутся сущности, потому что они рождаются как нечто "новое". Весь мир когда-то появился как новое. Всё, что можно сказать – их делает свобода.

– Типа из ничего?

С одной стороны – да, но с другой – нет, потому что Ничто не существует и не существовало. Это абстракция.

– Но что же тогда существует?

Существуют сущности, а точнее то, из чего они все состоят.

– Из чего же?

Это ещё одна абстракция, мы называем её "материей". Материя – основа всего детерминированного, сокрытого от нас в реальном мире. В некотором роде, материя – носитель детерминизма, мы могли бы сказать "экзистенциальный, онтологический антипод свободы", если бы свобода существовала как объект, имела некую осязаемую основу. Если свобода создаёт нечто, то материя "наполняет" собой "форму" заданную свободой, и характер её проявлений – т.е. всевозможные повторения – всё, что мы о ней знаем и вероятно всё, что мы о ней можем узнать.

– Значит существуют только материя и свобода?

Я бы предложил такую модель. Мироздание "состоит" из фиксированного "запаса" материи, которая постоянно движется, причём "запас" этого движения тоже фиксирован (хотя и, возможно, бесконечен). Движение – это изменение материи. Материя без движения не существует, поскольку тогда она никак не проявляется. Движение без материи, очевидно, тоже. Материя символизирует собой постоянство, детерминизм, а движение – изменчивость, свободу. Это своего рода два начала мироздания, а их сочетание – то, что создаёт процесс развития.

– Не поясните каким образом это происходит?

Вообразим опять самое начало процесса. Предположим у нас есть некий бесформенный "кусочек" материи, который "движется". Не спрашивайте как он выглядит, где находится и куда движется. Пусть это будет вращающийся шар и кроме него нет ничего. Шар – это постоянство, его вращение – это изменение, но из-за того, что вращение постоянно, изменения фактически нет. Свобода должна придумать нечто новое. Допустим она создает структуру в шаре – ядро и оболочку, или делит его на половинки. Теперь у нас есть две сущности и они должны взаимодействовать. Взаимодействие

порождает изменения в характере движения, однако каким бы сложным оно не было, через какое-то время оно будет повторяться. Тогда свобода создаст ещё что-нибудь – и всё опять усложнится. Обратите внимание, что материя, несмотря на свой консерватизм, вынуждена меняться, но каждая материальная сущность меняется одним и тем же образом, в этом смысл детерминизма. Если же она не повторяется, значит её заставляет это делать другая сущность, более сильная.

– То есть свобода делит материю на всё более мелкие кусочки? А есть самая маленькая сущность?

Это лишь модель, Вселенная бесконечна и глубь, и в ширь. Отсюда кстати видно почему нет пустого пространства. Если бы существовали самые "маленькие" сущности, дискретности, между ними обнаружилась бы пустота.

– Но если так, нет ничего – ни сущностей, ни движения!

В смысле? Парадокс непрерывности?

– Да, между сущностями бесконечное количество неотличимых друг от друга точек. Никакое различие и изменение невозможно.

Это лишь доказывает, что все попытки придумать конечную модель бесконечной реальности бесперспективны, так что давайте остановимся на том, что наиболее правдоподобно.

– А анти-материя? Она взаимно уничтожается с обычной материей.

Это тоже материя и она не уничтожается, а переходит в иную форму.

– И мы не знаем откуда взялась материя и была ли она всегда?

Можно предположить, что материя была "всегда" на пару со свободой, как две сестры. "Ничто" – это, можно вообразить, просто сырая материя без всяких сущностей. Бесформенная, но уже желающая измениться и приобрести форму.

– Ничто не может быть чем-то!

Если только мы не признаем, что материя не может существовать вне формы. Нет формы – нет и материи.

– Ну а как же эта материя проявляется? Или уже форма?

Воздействует на нас, на себя и на всё вокруг, включая научные приборы. Воздействие – это результат стабильности, повторяемости, повторяемость проявляется через воздействие. Благодаря воздействиям, или взаимодействиям, мы и способны замечать и различать повторяющиеся процессы. Мы называем проявление материи "силой" – так мы чувствуем взаимодействие с ней, с наполненными ею формами – сущностями. Можно даже сказать, что материя – это бесконечное многообразие сил, имея в виду способы её воздействия на саму себя (и соответственно на нас, как на материальные объекты).

– А зачем она на нас давит? Зачем вообще силы?

Она не может иначе. Силы – это проявления движения материи.

– Но тогда сила – это и проявление свободы!

Наоборот. Сила – это проявление материи, поскольку без движения нет материи, она не может не меняться. Свобода меняет характер материальных сущностей, она как бы старается избежать силы, ускользнуть. Но материя, изменившись, опять начинает повторяться и порождать новую силу. Поэтому мы можем вообразить свободу как

"борца" со всякими силами. Да, в итоге её "борьбы" появляются всё новые силы, но в этом уже виноват детерминизм.

– Так может это материя на самом деле является "движущей силой" мира?

Материя пассивна и не способна развиваться и даже двигаться самостоятельно. С другой стороны свобода, хоть и является "движущей силой" (в кавычках конечно), не является собственно "силой". Напротив, свобода олицетворяет собой всё противное "силам", свобода никак не воздействует на нас, мы её чувствуем каким-то особым, загадочным образом. Согласитесь, что вам хочется всё время что-то делать, думать, говорить. Ощущение свободы сродни ощущению себя, собственной личности, ведь это именно свобода делает нас теми, кто мы есть. Остановка – это смерть. Сравните это с ощущениями собственного тела – его мы чувствуем благодаря силам материи.

– Но тело тоже хочет двигаться!

Оно двигается так как ему положено и если ему положено стоять, оно стоит. Но попробуйте перестать мыслить!

– Легко! Надо переключиться на что-то, например, послушать музыку или посмотреть кино.

И вы уверены, что в этот момент ваша личность абсолютно "отсутствует"? Как же тогда вы помните, что слушали? Как вы можете оценить прослушанное, сделать из него выводы?

– Ясно. Итак, мир состоит из материи. Ну а как же идеи, мысли, смыслы? Это свобода или материя?

В мире нет ничего собственно "идеального", если не считать таковым свободу. Всё "идеальное" – та же материя,

превращенная в нашей голове свободой в иную форму. Общась, мы формируем социальную реальность, но она не существует без нас. Те же "сущности" существуют в нашем разговоре, а в мире, независимо от нас, существует лишь нечто, называемое для ясности материей.

– А свобода существует?

Как существует движение. Само по себе оно не существует, но если есть материя, есть и её изменение.

– То есть движение – это свобода?

Не совсем. Изменение, движение – лишь проявление свободы. Нелепо полагать, что у свободы есть "запас". Запас движения и запас материи присущ материи. Однако, если некая сущность способна изменяться, менять свои характеристика в определённом направлении, мы говорим, что она обладает определённой степенью свободы. Чем дальше идёт развитие мироздания, чем больше появляется новых сущностей и способов их изменений, тем больше разнообразных степеней свободы – и значит мы можем сказать, что свобода "накапливается", её становится больше – несмотря на всю противоречивость этой мысли.

– Но если материальный мир появился как новое, как и все прочие сущности, значит свобода существовала до мира?

Свобода порождает лишь новые формы материи – способы её движения. Я не думаю, что мы можем сказать, что свобода порождает собственно материю – и запас материи и запас её движения по-видимому постоянны. Выглядит так, что материя – это всего лишь сущности бесконечной вложенности, которые состоят в итоге "сами из себя".

– Но силы действуют на тела! Что тогда "тело"?

Конкретный пример простой сущности, объект. Всякое "тело" – это лишь стабильная конфигурация, баланс сил. Если некие силы уравнивают друг друга, возникает иллюзия чего-то постоянного, какого-то тела. Мы его видим, ощущаем, исследуем, понимаем. Но чем больше мы его исследуем, тем лучше видим, что это всего лишь какие-то бесконечно сложные силы, воздействующие одна на другую. Весь мир – лишь игра сил, взаимодействий сущностей, суть которых непонимаема "сама по себе", вне взаимодействий.

– Если объект покоится, силы исчезают, а сам он вечен!

Сила "исчезает", если она уравновешена противоположной. Скажем, сила тока равна нулю, если заряженные частицы покоятся, а покоятся они потому, что все действующие на них силы равны. В этом смысл покоя – это баланс. Но покой – это всегда временное состояние, временная утеря соответствующей степени свободы.

– Почему временное?

Возьмите маятник в момент нахождения в нижнем положении. Он вроде бы покоится. Но так ли это? Если мы не знаем его историю, мы никогда не сможем сказать будет ли он двигаться в следующий момент и куда. Так и с каждым состоянием покоя – не зная прошлого мы не знаем будущего. И хоть прошлого мы не знаем до конца, всё что мы пока знаем, говорит, что движение не останавливается, а значит любой объект рано или поздно исчезнет, превратится во что-то ещё.

– Учёные открыли, что существует только 4 вида сил и надеются добраться до единственной – которая порождает все остальные!

Поиск "самых фундаментальных" сил сродни поиску "самых элементарных" частиц. Чем дальше, тем непонятней что они из себя представляют. В жизни мы сталкиваемся с разными силами, которые хоть и выросли из

"фундаментальных", но не сводятся к ним.

– Почему не сводятся?

В этом суть "нового". Оно хоть и выросло из старого, но не сводится к нему, редукционизм тут не помогает. Например, сила инерции, сила страха или сила денег. Это всё – вполне реальные силы, но можно ли их свести к "фундаментальным"? Мы можем повторять, что весь мир – "игра сил" или "бесконечное разнообразие сил", но мы не можем свести новые силы к старым. Старое не объясняет нового, так же как простое – сложного.

– Но за появлением нового тоже должна стоять какая-то сила, разве не так?

Появление нового не есть повторяющийся процесс, а значит за ним нет и не может стоять никакой конкретной силы, всё дело в игре сил. Повторяющиеся процессы выявляют детерминированный характер материи, силы отличаются "упрямством", "настойчивостью" – раз появившись, сила не меняет свой характер, иначе она не была бы силой. С другой стороны, мироздание способно порождать новые силы и в этом проявляется его противоположный характер – его свобода. Ведь появление нового непредсказуемо и непредвиденно, а значит не детерминированно.

– Что ещё за игра сил?

Взаимодействие разных сил. Из-за своего "упрямства" силы постоянно конфликтуют, как бы "борются" друг с другом, и результат их борьбы – некое возмущение, движение. И этой борьбы не избежать, потому что никакая сила не может оказаться без противодействия. Так уж устроен мир, что каждой силе противостоит противоположная. Можно предположить, что новое, рождаясь, рождает и силу, и противодействие ей – в их противоборстве и заключается факт существования, стабильной конфигурации новой

"сущности", которая отныне повторяет сама себя. Игра сил – это постоянная победа то одной, то другой из них и, в итоге, переход одной сущности в другую.

– Типа закона сохранения энергии?

В принципе мы можем "сложить" материю с движением и получить некую интегральную характеристику мироздания – энергию, запас которой тоже окажется постоянным. Энергия выглядит более удобной абстракцией для понимания мира, чем материя и движение по отдельности. Так, малая неоднородность материи может каким-то образом обладать большим запасом движения, а крупная – малым и при взаимодействии они окажутся равно сильными.

– Что ещё за неоднородность?

Неоднородность материи, её оформленность мы и называем "сущностью". Физически это может быть масса, заряд, волна и т.п. Можно предположить, что без неоднородностей не будет и материи, ведь мы можем считать материей любое "нечто", что как раз и выражается в неоднородности.

– Но тогда неоднородности чего?

Пытаетесь меня подловить? Я ж сказал, сущности состоят "сами из себя". Ещё я сказал, что материя – игра сил. И ещё что-то... Короче, я не знаю. Знаю только, что не из движения.

– Из пространства?

Если нет неоднородностей, то нет и пространства, не так ли?

– Но ведь известно, что масса искривляет пространство! Значит пространство может быть неоднородным!

Учёные утверждают, что пространство искривляется вокруг массы. Но искривление ли это пространства или того, чем оно наполнено, например вакуума? Неоднородность на самом "нижнем", квантовом уровне можно вообразить как, например, колебание/вибрацию некой материальной субстанции, но дело в том, что сущность можно видеть только на фоне других сущностей, в результате взаимодействия с ними. Свобода оформляет материю и так материя проявляется. Как выглядит материя без формы мы не знаем, она ни с чем не взаимодействует. Мы можем назвать эту субстанцию "пространством", "вакуумом", "эфиром", "квантовым полем", но все эти названия ничего не прибавляют к нашему пониманию. Как не прибавляют и любые математические модели. Не знаем мы и как выглядела самая первая сущность, какими были первые силы – Большой Взрыв, флуктуация вакуума, пара частиц "материя-антиматерия" и т.п. – смысл тот же.

– Квантовая механика доказала, что материя без формы – это волновая функция. Она обретает конкретное состояние только когда мы ею интересуемся. Мир без нас просто не существует!

Квантовая механика доказала что нам не суждено увидеть мир без нас. Но мир и его неоднородности, будь они волнами или частицами, жив и без наблюдателя. Волновая функция, как и прочие вероятности – наши ожидания, а не сам мир.

– Нет, волновая функция, как и неопределённость, объективные свойства реальности. В том-то и загадка квантовой механики!

Не буду спорить. Большая часть физики 20 века вызывает у меня сомнения. Сам я понять её не могу, а слепо верить академической науке не хочу. Не те нынче времена, чтобы верить чему бы то ни было.

– Ну и зря, я верю. Ладно. А эти ваши неоднородности могут породиться силами?

Могут, кроме своего первого появления, когда в создании новой неоднородности, новой формы и новой сущности (называйте как хотите) участвует свобода.

– Как же это может быть?

Мы не знаем. Одноразовые процессы ненаблюдаемы. Можно предположить, что свобода каким-то образом "подсказывает" силам куда им прилагаться.

– Надо же! Подсказывает и тем вносит усложнение в мир?

Новое, как появление новых сил, усложняет мир, иного пути для него нет. Для появления более сложного нового требуются соответствующие условия и чем сложнее новое (т.е. чем дальше течёт время), тем выше эти требования. Даже стабильные атомы распались бы, если их поместить в "первобытный хаос". Получается, всякое новое создаёт и одновременно является условием для создания нового следующего порядка. Так возникает усложнение и эволюция.

– И мы этого не наблюдаем и не знаем!

Мы знаем, что мир есть, что мир развивается. А раз так – что-то им движет! Кроме свободы сделать это нечему.

– А почему тогда наука не замечает самое главное?

Свобода лежит вне науки. То, о чем мы толкуем, можно назвать "метафизикой". Метафизика это и есть "познание" свободы, а также её сочетания с детерминизмом.

– Это всё философская поэзия. Наука доказала свою правоту делом!

Опять повторяю, наука бессильна в случае свободы. Она даже не может признать её существование, хотя нет ничего более очевидного.

– Ничего себе, очевидного! Вот силы, законы и прочие причинно-следственные связи очевидны, а остальное только домыслы!

Мы просто не можем увидеть появление нового! Нет, мы явно повторяемся. Пожалуй, и правда пора закругляться.

Законы, причины, цели

– Подождите, но мир состоит из сил, так? А силы подчиняются научным законам! Значит есть что-то выше сил!

Силы подчиняются только другим силам. Законы – это видимость, возникающая вследствие "упрямства" сил, что проявляется в однообразном повторении их действия. И поскольку силы всегда действуют одинаково, нам кажется что они подчиняются каким-то своим законам. Нам просто трудно представить, как можно повторять одно и то же по собственному желанию.

– При чём тут мы?

Мы познаём мир начиная с себя, и поскольку мы свободны, нам ближе свободное, а не детерминированное поведение. Потому силы, будучи детерминированными, вызывают у нас естественное, но неправомерное желания объяснить их поведение подчинением высшим законам.

– Но ведь законы есть! Они открыты и работают!

Всякие законы – лишь наша модель, описывающая поведение материи. И поскольку это модель, законы лишь примерно указывают как ведут себя силы и их конфигурации.

– Примерно?

Конечно. Во-1-х, комбинации сил, несмотря на их упрямоту, результируют вероятностно. Соответственно, законы описывают вероятностные процессы. Во-2-х, время движется только вперёд, а значит ситуации постоянно меняются, точного повторения никогда нет. В-3-х, Вселенная бесконечна и по мере роста наших знаний обязательно выяснится, что действие всякого закона ограничено конкретными условиями.

– Что же это значит? Что законов на самом деле нет?

Строго говоря, нет. Всякий закон – это приближение, абстракция. Он существует только в нашем сознании. Однако при этом он безусловно соответствует чему-то реальному, т.е. характеру сил. А кроме того, есть и в-4-х. Даже если мы обнаружили закон, рано или поздно он будет нейтрализован чем-то новым, возникнет нечто, что "нарушит" его, изменит его детерминированное следствие, и потребует нового исследования. Например, закон земного притяжения нарушается когда ураган поднимает в воздух философа.

– Но это не нарушение! Это просто другой закон!

Конечно. Новое всегда возникает так, чтобы и нарушить старое, и сохранить его. Иначе это не было бы новым. Скажем, до тех пор пока на земле не появилась атмосфера, закон земного притяжения не мог обмануть ни один философ.

– То есть вы утверждаете, что всякий закон можно нарушить?

Скажем мягче – обойти. Рано или поздно обязательно появится такое новое, которое обойдёт любой существующий закон. В этом смысл свободы – освободиться от ограничений, выйти из под действия силы, породить новую свободу. Так что всё возможно, но в бесконечно далёком будущем – мы не может знать когда и как.

– Погодите, в будущем возможно всё?

Именно это мы назвали Всё. Но надо помнить, что бесконечно далёкое будущее включает в себя и недостижимо далёкое будущее. Это примерно то же, что и Ничто, которое и существует, и нет.

– Но как тогда отличить правильные законы от ошибочных?

Увидеть повторяющийся процесс.

– Как?

Опыт и интуиция. Если они подсказывают закономерность – возможно они правы. Но только время является окончательным судьёй.

– Время? А разве в нас уже не заложено чувство истинности? Например, логика?

Чувство истинности и логика – разные вещи. Первое, да, заложено, хоть и у каждого в разной степени, и проявляется в интуиции, здравом смысле, ощущении правдоподобия, убедительности т.д. Но к сожалению всё это не гарантирует 100% результата. А логика – это, в принципе, лишь схематичная модель детерминированной части мира. Мы сами придумали всё это, наблюдая его. Возьмите пространство и попробуйте найти его края опираясь на логику.

– Но время – ненаучный критерий!

Научный критерий в итоге всё равно сводится к "чувству истинности", выверенному консенсусом учёных. Логика бесполезна без аксиом.

– Но жизнь коротка! Мы не можем ждать бесконечно!

Увы, таков процесс познания. Но есть отличное средство ускорить процесс. Впереди время бесконечно, но оно бесконечно и позади. Настоящее – результат действия новых сил, когда-то наложенных на результат старых. Если "смотреть" в прошлое, анализируя и экспериментируя, можно отделить одно от другого и выявить повторения. Например, независимо от того, что происходит вокруг – на Земле и в галактике, Солнце упрямо повторяет своё свечение, начатое задолго до появления жизни. Более того, мы даже можем

предположить, что происходящее внутри Солнца пока не слишком влияет на повторение его излучения. Это даёт нам возможность найти законы излучения.

– Но если всё меняется, происходит ли повторение? Может это иллюзия?

Мы это видим постоянно и подтверждаем в экспериментах. Одна и та же сила в одних и тех же условиях всегда порождает одно и то же изменение, варьируется только вероятность её проявления. Силы упрямы – это единственное что о них можно сказать, кроме того, что они проявляются. Их проявление всегда однообразно, у них совсем нет фантазии. Примерно, как я уже в третий раз это повторяю.

– Хорошо. А как быть с причинами? У каждой причины есть следствие, а у каждого следствия – причина. Это закон! Любое движение может быть описано физическими законами!

Не любое. Во-1-х, физические законы описывают реакции, последствия. Во-2-х, целесообразное поведение не описывается физическими законами. Кроме того, на каждое тело действует бесконечное количество сил – как описать законом их результирующую? Самое же главное, детерминизм "пассивен", поэтому он и не может предсказать будущее. Детерминированные процессы – это процессы, всегда отвечающие на какие-то действия, это ответы.

– Как это "пассивен"? Да взять самый простой закон – тяготения. Он разве не действует сам по себе, не предсказывает будущее?

Он только описывает результат взаимодействия двух масс.

– Но всё равно он действует сам по себе и тем определяет будущее!

Будущее определяет не он, а то, что заставило его работать, что его создало. Потому что всё в детерминированном мире действует не "само по себе", а является следствием некой причины, которую мы не знаем. Или цели, о которой мы догадываемся. Сам по себе детерминизм не порождает ни причин, ни целей. Поэтому он и тупо повторяется.

– А диссипативные процессы? Диффузия? Деградация? Они происходят сами по себе!

Эти "самопроизвольные" процессы происходят потому, что устранены силы, сдерживающие движение микрочастиц на границе раздела. Такие же каким, скажем, стал бы бесконечный полет Земли в одном направлении, исчезни вдруг сила гравитации. Однако причина этих процессов (т.е. инерция движения микрочастиц) неизвестна так же, как и причина гравитации, причина самого изменения материи. Эти процессы точно так же законом лишь описываются. Но описать – не значит объяснить. Причинность – не совсем корректное слово в приложении к детерминизму, потому что именно причина и не объясняется, объясняется всегда следствие.

– Но разве закон не объясняет причины? "Окно разбилось потому, что в него попал камень"!

Закон не говорит "что будет", он отвечает на вопрос "что будет, если": окно разобьётся, если в него попадёт камень. Это и есть закономерность, следственность. Между тем, причина – "камень" – это не реакция, а акция, не ответ, а действие. Именно действие направлено в будущее, именно действие – неповторяющийся процесс и именно действие не объясняется законом. Максимум, на что способен закон – выяснить, что причина есть всего лишь следствие другой причины.

– Это и значит объяснить причину!

Формулировка закона, математическая формула описывая поведение, свойства объекта, лишь "объясняет" связь результата с заданными начальными условиями. Действительно объяснить значит найти первопричину, указать откуда берутся "начальные условия", но физика и не объясняет. Объясняет метафизика, это мы ищем причину. И, конечно, цель.

– Нет, причинность потому и называется "причинность". Это объяснение причин!

Причинность – вариант повторяемости. Если мы "вычеркнем" свободу, всё мироздание сведётся к одной жёсткой причинно-следственной связи, по сути причины и следствия исчезнут. Всё круговое движение будет бесконечным повторением – из причин вытекают следствия, а из этих следствий – те же самые причины. Если же вернуть в нашу картину свободу, то сразу появятся варианты развития процесса, а значит – и причины. Отсюда видно, что причинность – это повторяемость возникающая при неких условиях, из которых самое важное – наличие свободы, возможности альтернативного развития событий. Вспомните себя – как вы действуя нарушаете "естественный" ход вещей. Вы порождаете новую причину своим свободным действием. Точно также проявляется свобода и без нас – она порождает новый вид движения, новые законы и новые причины.

– Не понимаю. Если движение не исчезает и не появляется, при чём тут свобода?

Свобода создаёт новые формы материи, а значит и новые формы её изменения, а значит и новые формы движения.

– Если причина – это некая сила, то свобода не может быть причиной создания чего-либо!

Да, свобода не вызывает непосредственное изменение

материи, она загадочным образом создаёт условия для их появления. Без свободы, если вообразить самое начало, есть только некое бесформенное, ничего не меняющее "движение", своего рода потенциальная энергия последующих изменений. Направив эту энергию в нужное место, свобода лишь приводит в действие существующую силу и тем порождает и причину нового изменения, и причину последующих изменений. Новые силы складываются из старых сил, а причинность по сути – попытка объяснения свободы. И конечно, поскольку свобода неотделима от цели, причинность неотделима от целесообразности. И то, и другое – проявления свободы!

– Что это ещё за цель?

Чем сложнее уровень организации материи, тем сложнее законы её поведения. Если самое простое движение описывается причинно-следственными связями, то в более сложном начинают проявляться средственно-целевые, происходит замена простой причинности на целесообразность. Например, уже вирусы демонстрируют некую нацеленность, а поведение высших животных практически полностью описывается намерениями, потребностями, стремлениями, включая и групповое поведение – оно целенаправленно.

– То есть законы тут описывают цель? Или средства?

Законы описывают функционирование систем, помогают предсказать будущее. Детерминизм причины указывает следствие, если известна причина. Детерминизм цели способен указать средства, если известна цель.

– И какова цель?

По мере развития мироздания, эволюции, мы видим расширение целей. Так физические структуры можно рассматривать как стремящиеся к сохранению, стабильности – это их "цель". Живое – к выживанию, размножению,

удовольствию и т.п. Цели людей бесконечны. Можно предположить, что у всего этого есть некая общая цель, которая всё больше и больше проявляет себя как общая цель эволюции и одновременно – как рост многообразия целей.

– Дайте угадаю... это, конечно, свобода?

Да. Все силы, которые мы наблюдаем – лишь продолжение других сил. Силы переходят друг в друга, появляясь на свет не сами по себе, а только под действием некоего активного начала мироздания. Активное начало, причина нового – проявление свободы, а первая Причина и, одновременно, Цель – сама свобода. Это мы видим не только в эволюции или свободной воле, но и в живых существах, например. Благодаря своей активности, они быстро эволюционируют, гораздо быстрее неживой материи. А мы, в свою очередь, не можем создать подобного свободного существа, не можем снабдить его ни причиной, ни целью. Все наши роботы и компьютеры, в которые мы закладываем псевдоактивные начала – программы – умирают вместе с батарейками, хотя мы прекрасно знаем все законы, которые нам нужны для построения этих роботов и компьютеров. Причина/Цель – активное начало, которое не даёт миру замкнуться в вечно повторяющихся процессах, а заставляет его развиваться.

– С роботами не так всё плохо. Что теоретически мешает им самим подключаться к электросети? Или даже иметь собственные восполняемые источники энергии?

Всё равно – мы должны включить робота и если что-то пойдёт не так, он остановится. Он мёртвый и всегда будет мёртвым, как бы мы не старались.

– Ну не знаю, в кино они вполне живые... А откуда взялась эта Причина/Цель? Неужели из Ничего?

Если вернуться к абстракциям, то мы обнаружим, что

Ничто не так просто, как кажется. В частности, его парадоксальность можно представить как две противоположности – необходимость и возможность.

– Как это?

Отсутствие "всего" таит в себе возможность, а присутствие "ничего" – необходимость. Ведь тот факт, что у нас нет "ничего" – а точнее есть Ничто – нас жёстко ограничивает, приводит к необходимости. Всякая необходимость – следствие существования чего-либо, и необходимость, таким образом превращается в силу причины. Возможность, с другой стороны, появляется только из отсутствия чего-то могущего служить препятствием. Возможность превращается в свободу.

– И что получается из всей этой демагогии?

Сила причины начинает порождать последствия, а свобода позволяет силе это делать. Это сочетание – тупая сила и умная свобода – порождает причину. Примерно как это делаем мы используя энергию запасённую в наших мышцах для наших действий. В итоге, следствия принимают разный характер – от полной детерминированной необходимости до непредсказуемой свободной случайности. Ничто, которое мы раздвоили, начинает бурно размножаться. Мы мысленно видим появление неоднородностей. Причина начинает материализоваться, ведь всякая неоднородность – материализация существования. Появляющиеся объекты, с одной стороны, одинаковы, похожи друг на друга, а с другой – различны. Разнообразные неоднородности порождают время, однообразные – пространство.

– Бред какой-то!

Важно, что у нас есть две крайности, в которых проявляется характер мироздания – детерминированность, как сила, и непредсказуемость, как свобода. Иными словами, материальные объекты как бы имеют двух "родителей". Сила

ответственна за похожесть объектов, потому что она характеризуется постоянством, её невозможно избежать, она накладывает жёсткие ограничения. А свобода непостоянна и непредсказуема. Благодаря ей объекты приобретают многообразие. Можно сказать, причина, необходимость – проявление детерминизма, а возможность – проявление свободы, которая несмотря на всю силу причины, умудряется избегать её и делать свои дела.

– Непонятно. Так причина – это свобода или детерминизм?

Мы запутались в терминологи. Важно отличать Причину и причины. Свобода – это Причина, как мира, так всего нового в нём, каждой новой сущности, в том числе новых сил. Но разумеется, строго говоря, мы не можем сказать, что у нового есть причина, не так ли? В этом проявляется парадоксальность свободы, возможно, Причину лучше называть "первопричина", или "первоначало", или ещё как-то. Эти первоначала – заметьте множественное число – порождают последующие цепочки связанных между собой причин и следствий. Это уже причины в обычном смысле – чистые проявления детерминизма. Парадокс нового в том, что первопричина обязательно вписывается в существующий детерминированный мир, поэтому когда мы впоследствии оглядываемся назад и пытаемся отследить первопричину, то оказывается, что её... нет! Мир нам кажется полностью детерминированным, а все причины ведут назад куда-то к самому началу.

– То есть если идти от причины к причине, мы вернёмся к самой первой первопричине, создавшей мир? И окажется что именно свобода его создала?

Да. Свобода создала мир, потому что без неё материя и движение бесформенны, они символизируют Ничто. Только создав сущности свобода дала возможность миру реально существовать.

– А если идти вперёд, от следствия к следствию, куда мы придем?

Такое будущее, не учитывающее свободу, детерминированно.

– А учитывающее?

Непресказуемо и неопределённо.

– Но будущее не может быть неопределённым! Физические законы например, всегда будут действовать!

Необязательно. По мере развития материя усложняется и возникают не только новые уровни сложности, но и новые принципы причинности. Как говорят, причины высших уровней подавляют причины нижних. Например, человек может построить дом, а может и разрушить его. Очевидно, что материалы дома со всеми их физическими законами – всего лишь игрушка в его руках. Кто может гарантировать, что когда-нибудь не появится настолько мощный разум, что начнёт управлять Вселенной?

– И что ж тогда будет?

В конце Вселенная разовьётся до такой степени, что ничего нового уже быть просто не может. Будет Всё!

– Потрясающе. Но ведь Всё включает в себя и Ничто?

Это просто значит, что такой замечательный конец недосыгаем и его никто никогда не увидит. В отличие от конца нашей беседы, которому уже пора наступить.

"Неминуемый конец"

– Э нет! Я думаю конец яснее, чем кажется. Ведь в познании мира мы опираемся на наблюдение, так? И что говорит нам оно? Всё портится, крошится, гниёт, ржавеет, протухает, болеет и умирает. Верно?

К чему вы клоните?

– К тому, что есть серьёзное возражение против всей вашей теории. Начнём с того, что новое может исчезать. Может?

В какой-то степени...

– Но тогда и свобода может уменьшиться, а эволюция – пойти назад!

Исчезновение нового не возвращает мир назад, а, как мы говорили, создаёт новую ситуацию. То есть, строго говоря, новое не исчезает, а эволюция необратима.

– Но если "новая ситуация" возникает от того, что новое исчезает, что мешает эволюции постепенно истребить всё и вернуться назад к Ничто?

Это интересный вопрос. Поскольку мы не знаем как работает свобода, отвергать ре-эволюцию тоже нет причин. К сожалению, мне нетрудно представить как всё хорошее может исчезнуть, как люди вдруг забудут о культуре и деградируют, почему бы и нет? Потом они окончательно превратятся назад в каких-то обезьяно-подобных уродов и в конце концов всё живое исчезнет в океане биожизни. Подчеркну, что такая ре-эволюция не может случиться "сама по себе", без участия свободы. Возврат назад, к Ничто произойдёт в любом случае по новому пути. Однако я не хотел бы об этом говорить, поскольку это целиком умозрительная фантазия не имеющая пока никакого

реального подтверждения. Давайте говорить о той эволюции, которая точно есть.

– Как это фантазия?! Всё имеет конец, и не простой, а детерминированный, абсолютно закономерный. Сама жизнь доказывает это! Значит есть и конец всему, включая вашу теорию!

Жизнь доказывает только то, что конца нет. Конкретная особь умирает, но жизнь продолжается. Рождение новой жизни – такой же детерминизм, как и смерть старой. Детерминизм не способен опрокинуть эволюцию.

– Но конец есть! Всё разрушается! Вымирают целые популяции! Динозавры!

Мы уверены только в том, что всё меняет формы. Даже если существует необратимый процесс "умирания", в конце его вовсе не обязательно неизбежный Неминуемый конец. Во-1-х, все виды "умирания" так или иначе приводят к возрождению. Все процессы распада материи входят составными частями в процессы её сборки. Во-2-х, умирание, распад, разложение, разрушение и т.п. – процессы детерминированные и значит повторяющиеся. Их можно повторять сколько угодно, их результат математически предсказуем и сами они постоянно повторяются в природе. Необратимый и повторяющийся процесс – разные вещи. Единственный случай, когда мы думаем, что процесс умирания действительно необратим – смерть самой Вселенной. Причиной такого взгляда служит максимально возможный, причём чисто умозрительно, масштаб процесса – мы не можем ни повторить, ни увидеть этот процесс, он только наша фантазия основанная на модели расширения Вселенной. Однако даже в этом случае очевидно, что если расширение и существует, оно ещё не равнозначно "смерти", поскольку мы не можем предвидеть какую роль будут играть в будущем иные процессы, например некие "тёмные" силы, сокрытые в материи или прочие её тайны, не говоря о

свободе.

– Если смерть всегда сменяется рождением, может и свобода появилась из детерминизма? Может детерминизм и свобода просто переходят друг в друга?

Как это?!

– Детерминизм – это порядок и взаимообусловленность, но его внутреннее движение разрушает порядок, ведёт к хаосу и концу – по типу роста энтропии. То есть детерминизм как бы тяготеет к свободе и проявляет это в движении к наиболее "вероятному" состоянию. Свобода – это беспорядок и хаотичность, но её внутреннее движение ведёт к организации всё более сложных систем. То есть свобода как бы тяготеет к детерминизму и выражает это движением к наименее вероятному состоянию, эволюцией. Мы можем вообразить, что детерминизм и свобода как бы переходят друг в друга! Это же две стороны одной сущности, материи!

То есть как бы вечный цикл?

– Да.

Тогда он детерминирован! Рождение и смерть, порядок и хаос – части циклических процессов. К эволюции они не относятся. Эволюция – появление нового.

– Но почему нельзя допустить, что рождение и смерть Вселенной тоже повторяются? Ведь возможно, что вся эта эволюция – тоже часть процесса, только она локальна и повторяется в других местах или в другие времена?

Опять пульсация? Ну хорошо. Действительно, на локальном уровне мы видим появление "нового", которое, в более широком, глобальном контексте может оказаться вовсе не новым. Так, мы можем ожидать, что где-то на других планетах тоже идёт эволюция и возможно живут такие же люди. Но это рассуждение только возвращает нас к началу.

Общее повторение означает отсутствие времени. Можем ли мы с этим согласиться? Я думаю, нет. Каждый из нас уникален, люди на иных планетах не похожи на нас, а Вселенные, даже если они умирают и рождаются вновь – обязательно отличаются друг от друга, а значит должно быть одно общее движение, единый процесс.

– А если свобода – активное начало, почему она не может точно так же остановить движение, как она изволила его начать?

В принципе, почему не может? Свобода загадочна, а значит возможность её "исчезновения" и вытекающей остановки развития тоже присутствует в этом мире. Смерть Вселенной – это один из вариантов будущего, возможный, но не обязательный.

– Ага, значит Вселенная может умереть?!

Если под смертью Вселенной подразумевать остановку её развития и исчезновение времени...

– Значит "тепловая смерть" или любая подобная остановка движения всё же возможна?

Остановка движения? Нет, как и его появление. "Рассасывание" материи/движения по бесконечности вследствие "расширения" Вселенной тоже неправдоподобны – о расширении мы уже говорили. Что касается будущего, то единственное, что можно определённо сказать о нём – оно неопределённо. Свобода это гарантирует, ре-эволюция, как и исчезновение времени – лишь возможности, предоставляемые свободой.

– Как свобода может что-то гарантировать?

Неизвестно. Мы не можем даже сказать, может ли свобода гарантировать собственное существование – ведь существование означает повторение себя, а свобода никогда

не повторяется. С одной стороны, смерть, остановка, покой – не могут быть свободой, поскольку они гарантируют старое. Но с другой, сама их возможность – следствие свободы. Свобода уничтожения свободы, возможность исчезновения возможностей – парадоксы свободы.

– Но тепловая смерть детерминирована! При чём тут возможность, предоставляемая свободой?

При том, что это всё сомнительно даже на уровне физики.

– Что значит "сомнительно"?! Диссипативные процессы – глобальны и всеохватывающи! Эволюция против них бессильна!

Во-1-х, все диссипативные процессы, по сути, объясняются хаотичным движением микрочастиц, размазывающим их макро неоднородности. Но мы знаем и о противоположном процессе – тяготения, в конце концов собирающего вместе разбросанные по пространству частицы. Не являются ли в таком случае, диссипативные процессы всего лишь частью большего замкнутого детерминированного цикла? Во-2-х, надо обратить внимание на пространственные масштабы процессов. Второе начало термодинамики описывает наш масштаб мира, но в большем масштабе – звезд и галактик – работает тяготение, испарение чёрных дыр и кто знает что ещё. На следующем после него уровне работает ещё что-то, тоже не имеющее ничего общего со Вторым началом.

– То есть вы утверждаете, что Второе начало термодинамики попросту неверно?!

Оно верно для относительно малых объёмов, где можно пренебречь силами тяготения, но если систему микрочастиц, даже изолированную от внешнего мира, расширить до космических масштабов, частицы сами собой стянутся в массивный объект и, если повезёт, давление зажгёт новую

звезду. Этот процесс очевидно идёт в нарушение Второго начала. В любом случае Второе начало не предрекает нам Неминуемый конец.

– То есть на каждом масштабе свой детерминированный процесс и они все разнонаправленны?

Почему нет? На уровне элементарных частиц, кстати, тоже есть процессы сжатия. Ядерные силы сжимают нуклоны и им не важны диссипативные процессы. Отсюда следует, что детерминизм вовсе не означает остановку и смерть. Всё, что он может гарантировать – исчезновение времени, постоянный возврат в начало. Он не в состоянии определять будущее.

– У Второго начала есть иное толкование – как движения из менее вероятного состояния в более вероятное. Это фундаментальный закон природы!

Вероятность – ожидание будущего исходя из прошлого. Как это может относиться к смерти Вселенной?!

– Ну а законы сохранения? Они-то точно абсолютны. Как они согласуются с необратимостью эволюции и появлением нового?

Вот они-то, кстати, и подтверждают, что детерминизм постоянен и однообразен. Появление нового их не нарушает, поскольку новое – это всегда лишь новая форма материи и её движения. Правда, с ними тоже не всё в порядке.

– Что не в порядке? Законы сохранения – объективный факт, они всегда выполняются!

Как посмотреть. В идеальных системах, да. А в реальности? Вращается колесо – нагревается ось (т.е. механическое движение распределяется по всей массе Вселенной), остывает печь – разгоняются молекулы окружающего воздуха (т.е. теплота распространяется по

всему объёму Вселенной), утекает заряд из батарейки – повышается потенциал Земли (т.е. заряд расплзается по всей ёмкости Вселенной). Во всех этих случаях мы видим, что закон сохранения энергии в сущности нарушается.

– Это потому, что речь идёт об открытой системе!

Вовсе нет. Даже если система закрыта, её энергия в итоге распределится по составляющим её частицам – повысится их скорость и температура системы, например. Но если энергия – способность совершать полезную работу, то после подобного рассасывания эта способность безвозвратно теряется. Энергия фактически исчезла.

– Это просто энтропия выросла!

Мы можем сказать "растёт энтропия", а можем "теряется энергия". И то, и другое описывает один процесс.

– Выходит, универсальный принцип сохранения энергии тоже неверен?

Нет, если понимать энергию как способность совершать работу и верен, если включить в неё все формы движения материи. Но в любом случае сохранение энергии противоречит росту энтропии. Путаница хорошо иллюстрируется "вечным двигателем". Как известно закон сохранения энергии гарантирует невозможность вечного двигателя. Однако на самом деле закон гарантирует как раз его существование.

– Это как?

Если энергия сохраняется, значит и вечное движение возможно. Кстати, буквальный перевод слов *perpetuum mobile* – именно вечное движение. Да, производить полезную работу такой "двигатель" не будет, но бесконечно крутиться в холостую – без проблем.

– Логично. Почему же за столько лет в этом не навели порядок?

Показательно, не правда ли? Для нас важно, что и закон сохранения энергии, и начала термодинамики недоказуемы, они постулированы для удобства и никаких философских выводов из них не следует – в частности тепловой смерти. Напротив, если всякий принцип сохранения по крайней мере соответствует характеру детерминизма, то начала явно идут с ним вразрез. Забудьте о них.

– А Вселенная представляет собой вечный двигатель?

Очевидно.

– Как мы тогда заставляем его производить полезную работу?

Ключ в слове "полезная". Когда мы вмешиваемся в природные процессы, мы направляем часть энергии на нужную нам работу отнимая её у чего-то другого. Польза от этого может быть, а может и нет. Чтобы работа была полезна объективно, она должна служить свободе. Ясно, что это происходит в единственном случае – когда мы творим, создаём нечто новое.

– И это почему-то всегда приводит к уменьшению энтропии?

Хотите подловить меня? Если энтропию рассматривать как степень беспорядка, то да. Но заметьте, локальное уменьшение энтропии всё равно сопровождается увеличением потенциальной энергии. Упорядочивая что-то мы тем самым увеличиваем неоднородность. Скажем, построив дом мы не только уменьшим энтропию, но и создадим запас энергии, которая высвободится если дом рухнет.

– Но если локально энтропия всегда растёт, как

возможно появление нового само по себе?

Единственное научное объяснение – флуктуация, для чего система должна находиться в неустойчивом, сильно неравновесном состоянии. Что очевидно противоречит здравому смыслу. Постоянная, направленная эволюция материи не может быть результатом цепи случайных флуктуаций.

– Почему? Может сначала жизнь возникла как флуктуация, а дальше стала развиваться сама по себе?

Случайное появление флуктуацией настолько сложных систем, что они способны развиваться, маловероятно до степени невероятности. Флуктуация не может расти сама по себе. Случайная самоорганизация как правило недолговечна – случайное появление порядка будет сопровождаться его таким же случайным исчезновением. Чтобы он не распался, чтобы система и дальше "выбирала" эволюцию, а не блуждание вокруг одного и того же равновесного состояния или возврат назад, нужно некое "активное" начало, какая-то внешняя "сила" должна постоянно толкать систему в нужном направлении, постоянно создавать неравновесие. И это не говоря о том, что такая "сила" должна воздействовать повсюду во Вселенной. Надо различать истинную самоорганизацию от временного самоупорядочивания, как в турбулентных потоках, или при нагревании воды, или в циклических химических реакциях, где создаётся видимость самоорганизации. Спонтанное возникновение пространственных структур или временных ритмов – повторяемо и, следовательно, детерминированно. Истинное самоусложнение не может быть повторяющимся процессом.

– Если есть отток энтропии, есть и развитие!

Пристали вы к этой энтропии! Развитие не имеет к ней отношения. Объяснение, что порядок в одном месте приводит к большему беспорядку в другом – вообще не

объяснение, а попытка хоть как-то совместить эволюцию с "законом" роста энтропии. Да и как вообще связана энтропия со сложностью системы? Упорядоченность частиц и организационная сложность материи – абсолютно разные вещи. В любом случае видно, что несамопроизвольные, т.е. "управляемые" извне (свободой или человеком) процессы никак не вписываются в начала термодинамики. Из самопроизвольных процессов не может возникнуть несамопроизвольный – точно так же как из детерминизма не может возникнуть свобода.

– Почему не может? Вон, жизнь возникла из косной материи? Значит может!

Жизнь – следствие проявления всё той же эволюции. Она не "возникла", а явилась отдалённым и непредсказуемым последствием сложных процессов – причём процессов, ведущих не к росту энтропии где-то в окрестностях, а в прямо противоположном направлении. А следовательно, все эти процессы не имели ничего общего с узко понимаемой "самопроизвольностью".

– Откуда же тогда взялась сама эволюция с её несамопроизвольными процессами?

Это всё то же проявление свободы – постоянное отрицание всякой предопределённости. Процессы разрушения, принимаемые горячими головами за процесс "умирания" Вселенной, детерминированы и компенсируются противоположными детерминированными процессами. Эволюция – возникновение всё более сложных форм организации материи – недетерминирована и непонимаема, потому что если бы мы могли её понять и просчитать, она бы исчезла и Вселенная превратилась в полностью предсказуемый, находящийся в покое мир.

– Но почему в покое?

Потому что детерминизм – это повторение, остановка

времени.

– Может так оно и есть. Все процессы детерминированы и никакой остановки времени нет из-за однонаправленных процессов. Та же диффузия вполне может породить время. Учёные не просто так открыли "стрелу времени"!

Опять пятью пять! Все детерминированные однонаправленные процессы взаимно компенсируются, поэтому никакого времени не будет. Ещё раз. Природа демонстрирует нам два глобальных, универсальных процесса – разрушающий и созидающий. Первый детерминирован, он заключается в вечном повторении и может привести к остановке времени, если второй процесс не будет постоянно "побеждать" его. Второй и главный процесс нацелен на и движим свободой, антиподом детерминизма. Созидание – это всегда большая свобода, но детерминизм теоретически может победить если вдруг свобода "исчезнет", что, вероятно, является одной из возможностей предоставляемой самой свободой. Ну и, в качестве вишенки, поскольку мы находимся на пике эволюции, это напрямую зависит в том числе и от нас, жителей Земли.

– От нас?

Если мы перестанем стремиться к свободе и превратимся назад в животных эволюция остановится, ведь кто там знает сколько во Вселенной ещё таких как мы – вдруг мы единственные? Тогда мы подведём Вселенную, а это нехорошо.

– Да-а... и тут мы плавно переходим к демагогии...

Нам надо научиться сочетать философию и науку. Мы – часть мироздания, составляющие его процессов, а не сторонние созерцатели. Из всего сказанного видно, что физические законы имеют ограниченную область применения, они не применимы к бесконечности – метафизической характеристике свободы. То же относится и

к вечности: все наши знания обладают бесконечно малой достоверностью по отношению к бесконечно большому времени впереди нас, ибо все они – следствие недолгого наблюдения.

– Правда? И чудеса, получается, возможны?

Смотря что считать чудом. Так или иначе, процесс развития мироздания не имеет ни начала, ни конца – и наука нам тут помочь не может. Всё, что мы знаем, процесс идёт и идёт в определённом направлении.

– Но если свобода делает будущее настолько непредсказуемым, как возможно какое-то направление?

Важно, что это направление никак не описывается физически. Только метафизика свободы даёт более-менее правдоподобное описание происходящего. Вернее, уже дала и даже повторила. Что как бы намекает...

Вероятность, случайность, информация

– Погодите намекать! Какое же оно правдоподобное?!

Другого нет.

– Нет, я верю в математику – это универсальная основа материального мира! Как она может не описывать его?

Математика – основа только детерминированной части мироздания, свобода неподвластна математике. Собственно в этом ответ на главную загадку математики.

– Какую ещё загадку?

Почему математика, явно принадлежа объективному миру, с одной стороны не в состоянии его полностью описать, т.е. она "меньше" этого мира, а с другой явно "больше", т.к. способна с одинаковой точностью описать как реальный мир, так и явно фантастический. Вот почему изучение математики не является изучением реального мира?

– Да, почему?

На мой взгляд отгадка в том, что в то время как математика бесконечна в бесконечной степени, Вселенная ограничена в степени своей бесконечности. Зачем Вселенная так устроена? Затем, чтобы а) иметь возможность бесконечно развиваться, б) развиваться так, чтобы математика не могла это развитие предсказать. По сути, это шутка свободы – ей надо обойти математический детерминизм.

– Ну тут, думаю, свобода просчиталась. Любое будущее имеет некую вероятность появления, а значит оно может так или иначе быть выражено математически!

Чтобы описывать возможности, надо сначала о них

знать. Все наши представления о будущем базируются на наблюдениях прошлого, а значит никакие вероятности не могут описать то, чего ещё не было.

– Всё новое, что может случиться, так или иначе вытекает из прошлого, и значит должно подчиняться математике!

Как раз не всё. Повторю, предсказуемо только то, что можно наблюдать неоднократно, что повторяется. Нельзя предугадать то, что недетерминированно.

– А может, вы просто путаете свободу со случайностью?

Случайность – неоднозначное понятие, с ним надо быть аккуратным. Случайностью обычно считают отсутствие регулярности, "беспорядок", будь то в пространстве или времени, но главное – у беспорядка всегда есть причина. Даже у "беспорядка" во времени, который более важен, потому что именно во времени появляется "новое".

– И что? Беспорядка во времени недостаточно для объяснения любых неожиданностей?

Неожиданность может относиться и к детерминизму, и к свободе. Можно ли считать появление жизни таким же случайным, как падение камня? И да, и нет. Жизнь появится – и камень упадет – но какой будет жизнь, и куда упадет камень зависит от множества случайностей. У падения камня есть причина, а есть ли она у жизни?

– Но может тогда детерминизм и случайность – разные вещи?

Реальные детерминированные, закономерные события всегда характеризуются вероятностью, пусть часто она и равна единице, случайность лишь вносит некоторое разнообразие в предопределённый, необходимый ход событий. Соответственно, случайность точно так же

закономерна: значение случайной переменной более-менее предсказуемо и зовётся "математическим ожиданием" (средней ожидаемой величиной), а вероятности конкретных значений таких переменных подчиняются некоторому распределению, например "нормальному". Эти закономерности называют "статистическими", но это чисто техническое, не качественное различие. Важно, что это всё детерминизм – повторения одного и того же. Да, некоторые учёные считают, что раз случайность присуща детерминизму, то это уже не детерминизм, а индетерминизм. Они считают, что причина является необходимым, но не достаточным условием для события – в него дополнительно вмешивается случай. Но очевидно, это не так – случайные события закономерны, а вмешивается нарушая причинность далеко не "случай". В сущности, случайность – просто другое слово для "детерминированная неизвестность". Случайность вызвана тем, что мы не знаем (и не можем знать) точного устройства мира, и если бы мы его знали, все вероятностные процессы можно было бы свести к абсолютно детерминированным. Иными словами, случайности, как таковой, нет – есть лишь неполнота наших знаний.

– А как же квантовые события? Учёные считают, что они абсолютно случайны, их ничто не вызывает.

Не думаю, что это возможно. Наши познания микромира ещё слишком слабы – мы больше не знаем, чем знаем. Возможно на этом уровне сама причинность приобретает иной вид.

– Скрытые переменные?

Переменные, уравнения или целая другая физика трудно сказать, но скрытые – точно.

– А нелинейные системы?

Чем сложнее система, тем труднее предсказать её поведение, потому что для этого требуется бесконечная

точность в описании начальных условий. Её поведение называют случайным, но это не меняет дела – оно детерминированно: при одинаковых начальных условиях оно будет всегда одинаково. Та же ситуация с неравновесными системами. В неустойчивых состояниях на будущее влияет слишком много неизвестных факторов. В такой ситуации дифференциальные уравнения, моделирующие соответствующий природный процесс, становятся нелинейными и обычно имеют более, чем один тип решений. Тогда может быть применён новый тип решения, описывающий новую организацию системы. Этот результат тоже хоть и случаен, вполне детерминирован.

– Но если эти решения возникают сами собой из ничего, разве это не значит, что возникло нечто новое, непредвиденное? Некий новый порядок из полного хаоса?

Они не возникают из ничего. Уравнения, описывающие нелинейную систему, определяют и все возможные новые состояния, все возможные новые решения. Неравновесная система ведущая себя хаотично так или иначе движется к аттрактору, к некому состоянию динамического покоя. Но каким бы сложным не было это состояние, скажем фракталом или предельным циклом, оно закономерно вытекает из начальных условия и уравнений системы. Оно не возникает само собой из ничего, эта спонтанность – всего лишь детерминированная игра случая.

– Значит вы утверждаете, что случайность – неотъемлемая черта физического детерминизма?

Да, в смысле вероятности или хаотичности. Например, когда мы подбрасываем монетку, мы не знаем чего ожидать. Но значит ли это, что у монетки нет причин упасть так или иначе? Конечно есть и они работают точно по закону. Чем дальше бросаешь, тем ближе к $1/2$ средняя ожидаемая величина.

– Но тогда почему именно физического? Вот в логике нет случайности. Логика – это же чистый детерминизм?

Логика – это только частная модель физической реальности. Если сделать модель более общей, мы получим теорию вероятности и статистические законы, позволяющие описывать то, что мы знаем лишь приблизительно.

– Так случайность проявляется через вероятность?

Детерминизм проявляется через предсказуемость и вероятность, а свобода – через непредсказуемость и невероятность. Но и то, и другое не совсем верно объединяется в обыденном понятии "случайность", хотя и то, и другое строго говоря неслучайно. Ведь ни нечто новое, ни тем более детерминированное не может быть абсолютно неожиданным, как бы взявшимся ниоткуда.

– Но вы сами говорили, что новое абсолютно неожиданно!

Но это не значит, что новое взялось ниоткуда. Разве эволюция не имеет направления? А раз есть направление, значит движение неслучайно. Его можно считать предзаданным.

– Направление может и есть, но движение по нему может быть случайным!

Едва ли. Например, свободные действия человека явно не случайны. Даже в рамках ограничений, как природных, так и социальных, человек ищет путь к свободе, у него есть цель. Свобода не связана со случайностью.

– Но почему? Свобода – это возможности, а разве случайность не связана с возможностью?

Всё связано со всем. Детерминизм это необходимость пробивающая себе дорогу через возможность. Ситуацию

можно представить так. Свобода и детерминизм – это две крайности, их "борьба" порождает диапазон вероятностей от 0 до 1. Единичная вероятность – абсолютная необходимость/ детерминация, нулевая – полное отсутствие необходимости и проявление свободы (что сродни невозможности с точки зрения детерминизма). А случайность – в её общепринятом смысле – занимает остаток этого диапазона. Тогда более вероятные события не случайны, потому что детерминированы, а менее – не случайны, потому что целесообразны с "точки зрения" свободы. Случайность отражает наше неумение отделить детерминизм от свободы и, следовательно, наше неполное понимание мира.

– Не понял, возможность включает "нулевую" вероятность?!

Поскольку в вероятности обязательно проявляется хоть "немножко" необходимости и хоть "немножко" возможности, можно считать "чистую" возможность (а также "чистую" случайность и, собственно, свободу) тем случаем, когда вероятность исхода никак нельзя предсказать. С точки зрения детерминизма это не есть реализация некой заложенной когда-то ранее "возможности", а создание "невозможного", такого о чём нельзя было предположить – ведь именно в этом суть нового. Можно сказать, что "чистая" возможность – это бесконечно малая вероятность, это тот крошечный шанс, ради которого надо что-то "предпринимать", который сам собой никогда не случится. При такой нулевой вероятности причинность заменяется целесообразностью – поскольку "предпринимать" можно только если знаешь что хочешь получить. Свобода как бы ищет способ самореализации и когда он находится, то выглядит как невероятное и необъяснимое событие. С этой точки зрения свобода – это бесконечно малая вероятность "умноженная" на бесконечно большое время. Свобода предоставляет возможность, но ничего не гарантирует, она лишь предлагает бесконечное время для её реализации. И тогда, удивительным образом, нулевая вероятность

неожиданно осуществляется за вполне приемлемое время. Именно в движении к всё менее вероятному, но всё более возможному заключается эволюция материи.

– Это, типа, "к свободе"?

Да. Всё новое делает мир разнообразнее и значит добавляет возможностей. У свободы появляется всё больше шансов создавать новое.

– Но тогда новое всё более вероятно!

Наоборот! Поскольку свобода порождает новое парадоксальным образом, больше свободы означает, что новое всё менее предсказуемо. Появление нового происходит в точке некой "бифуркации", где много неизвестных переменных, и потому результат не поддается "просчёту". Даже первое столкновение двух атомов, вызвавшее образование молекулы, хоть и просто "просчитывается", было непредсказуемым из-за множества факторов. Но далее всё только усложняется, а чем сложнее система, тем сложнее считать вероятность. Полёт мухи, беготня собаки – как их считать? Детерминизм становится всё менее точным и просчитываемым, всё более вероятностным. Растёт степень свободы и одновременно растёт область неопределенности, где нельзя отличить детерминизм от свободы, где случайностей слишком много. Получается, что новое становится всё сложнее отличить от старого.

– Но случайность хоть немного подчиняется математике, а значит и свобода тоже!

Повторю. Случайность – невозможность точного предсказания детерминированного результата. Недетерминированная, "чистая" случайность – это свобода, и её с точки зрения детерминизма нет. Например, не существует и не может существовать алгоритма генерации случайного числа. Любой алгоритм детерминирован,

соответственно "чистая" случайность не может быть описана математически. Аналогично, и детерминированно распознать "чистую" случайность тоже нельзя. Это и значит, что с точки зрения детерминизма её нет.

– Как же тогда математика описывает стохастические процессы?

Она описывает, во-1-х, только множества повторяющихся событий а не одно случайное, а во-2-х, делает это приблизительно и чем больше множество тем точнее результат.

– Погодите, но есть же алгоритмы генерирующие последовательность случайных цифр!

Эта последовательность будет детерминированно повторяться каждый раз когда алгоритм запускается, так что он генерирует псевдослучайные числа. Если же его запустить один раз, а потом обращаться за новым набором цифр, случайность будет результатом не работы алгоритма, а времени нашего обращения. А если вы имеете в виду "квантовый" генератор, то он ничем не отличается от любой иной привязки к внешней по отношению к программе среде.

– Но может мы просто пока не нашли такой алгоритм? Ведь познание бесконечно, а значит всё можно найти!

Ни найти, ни создать такой алгоритм нельзя, потому что тогда свобода исчезнет, станет частью детерминизма.

– Но может так и есть?

Сомнительно, будущее явно непредсказуемо. Мы, например, можем его менять своими действиями.

– Но мы ещё не уверены в этом! Возможно, наши действия тоже случайны?

И чем больше мы будем знать, тем точнее сможем предсказать наши собственные действия?

– Получается так!

Но точность предсказания поведения субъекта как раз обратна его "знаниям"! Чем менее разумен "субъект", тем точнее он следует своим законам. Если точность поведения кота можно предсказать только приблизительно, то уже бактерии – гораздо точнее. А уж падающий камень вообще примитивен. Так что всё наоборот. Чем больше мы знаем, тем больше у нас свободы.

– У всего есть свои законы и чем сложнее субъект, тем сложнее законы. Вот и всё!

Но знание законов никак не соотносится с требованием им подчиняться. Если вы настаиваете, что все ваши действия случайны, какой в них смысл?

– Я просто не знаю. Я верю в математику. Всякий результат моих действий, хоть мыслимый, хоть немыслимый, имеет какую-то вероятность. О любом событии можно заранее предположить оно либо будет, либо нет!

Опять вы за своё! Такой подход свойствен части учёных и называется "логическим детерминизмом". Однако он неверен – как можно знать заранее о чём-то новом, что только будет создано? Вероятность недетерминированных действий можно узнать только потом, когда они становятся детерминированными и начинают повторяться. Например, вероятность первого звучания Третьего концерта была неизвестна ("нулевая"). Но зато известна вероятность последующих его звучаний. Вероятность нахождения методом перебора идеальной комбинации нуклеотидов исчезающе мала – недалеко ушла от создания перебором Третьего концерта. Зато потом все гены кодируют белки с завидной регулярностью.

– Тот факт, что мы не знаем вероятность будущих событий, не отменяет самой вероятности. Мы просто не знаем того, что лежит в основании процесса. Даже Третий концерт, вполне возможно, с какой-то вероятностью вытекает из прошлого!

Разумеется, мир не будет познан до конца. Однако, как мы уже согласились в самом начале, мы свободны – и этому не может помешать наше принципиальное незнание прошлого.

– Как не может? А вдруг "свобода" – результат нашего незнания? Вдруг вы просто путаете свободу со случайностью?

Случайность и свобода явно разные вещи, несмотря на то, что обе они связаны с неизвестностью. Принципиальная разница в том, что случайность познаваема, а свобода – нет. Возьмём опять монетку. Разве она свободна?

– Почему нет? Куда хочет туда и падает!

Откуда же тогда берётся закон больших чисел? Каким загадочным образом монетка знает, что ей придётся упасть так, чтобы он выполнялся? Похоже за вероятностью скрываются силы принуждающие монетку? И именно они "помнят" о том, как монетке – и заодно всему детерминированному миру – следует себя вести?

– Что за бред?!

Не вы ли говорили о "фундаментальном законе природы" – движении к более вероятному состоянию? Та же диффузия: когда каждая молекула красителя в растворе ведёт себя "независимо", все вместе почему-то обязательно распределяются равномерно. А разность потенциалов или температур? Свободные электроны (или быстрые частицы) "сами по себе" всегда распределяются так, чтобы разности в итоге исчезли. А радиоактивность? Откуда атом знает когда

ему "захочется" распастся чтобы точно выдержать период полураспада? Во всех этих случаях мы говорим о силах, энергиях, законах. Почему же монетка исключение?

– Но каждое бросание независимо от предыдущего, монетка не может помнить прошлого!

Сомневаюсь, что в мироздании есть что-то независимое – кроме свободы конечно. Если бы испытания были действительно независимы, последовательности никогда бы не сошлись к $1/2$, а каждая последовательность давала бы истинно произвольный результат на любом отрезке испытаний. Парадоксально? Да, именно в парадоксах проявляется свобода. Ибо только в подобном случае нам могло бы показаться, что монетка "свободна" – она ведёт себя так, чтобы обмануть нас зная что мы за ней наблюдаем. А потому ничего подобного мы, конечно, не увидим.

– Не знаю насчёт умной монетки, но с решками вы сами обманулись. Это известная ошибка игрока. Выпадение одних решек так же вероятно как и любой иной фиксированной последовательности.

Ну давайте вернёмся к этой популярной задаче. Допустим в серии из 10 испытаний 9 раз подряд выпала решка. Вероятность события "все решки" до начала испытаний равна $1/2^{10}$ и поскольку именно последнее бросание решает сейчас исход всей серии, после 9 решек его результат с вероятностью $1 - 1/2^9$ должен быть орлом.

– Вероятность события "9 решек + 1 орёл" до начала тоже $1/2^{10}$. Поэтому шансы на выпадение последнего орла всё равно $1/2$!

И тем не менее, чем больше испытаний, тем больше шансов выпадания орла. Очевидно же.

– Всё равно нельзя сравнивать вероятности до и после события!

Почему? Разве в математических формулах фигурирует прошлое и будущее? И потом, откуда взялся "закон 1/2"? Из наблюдения за монеткой, и чем дольше наблюдение, тем вернее результат.

– Ну не знаю. Теория вероятности доказывает, что вы неправы.

Кроме теории есть ещё и практика – мат статистика. Так или иначе, математика – лишь модель и в случае вероятности она ничего не доказывает, а лишь предполагает. Вывод один – мы просто не знаем что будет. "1/2" значит "неизвестно". Как и "случайность".

– Как и "свобода".

Незнание причин случайности не мешает нам замечать законы, которым она подчиняется – иначе наши наблюдения были бы бесполезны. Как вы думаете, почему именно необычные последовательности привлекают наше внимание?

– Когнитивное искажение?

Таким образом мы познаём мир. Что такое закон? Долженствование. Монетка "должна" рано или поздно упасть на другой бок, поскольку "обязана" в вечности строго соблюсти равенство выпаданий обеих своих сторон. И чем больше она "сопротивляется", тем сильнее эта предопределённость.

– А-а, дайте угадаю! Нелокальное скрытое "поле вероятности" ответственное за случайность? Качество материи сродни свободе как качеству мироздания? Или это обратная сторона свободы?

Это вы сказали! Так или иначе, если монетка выпадает одинаково 10 раз подряд – что-то не так, это не случайно. За

её выпаданиями скрывается "смысл", "информация", это намёк на то, что нам в руки просится новое знание.

– И в чём оно заключается?

Вот это и надо выяснить. То, что упорядоченные последовательности в подобных случаях менее вероятны, хорошо видно если взять макросостояния. Их можно описать так: 1) все выпадания одинаковы, 2) хоть одно отличается, 3) хоть 2 отличаются ... 6) всех выпаданий поровну. Наиболее вероятно последнее макросостояние, т.к. его можно реализовать наибольшим числом комбинаций. Мозг всюду ищет смысл, поэтому он отслеживает макросостояния. Если последовательность выпаданий монетки рассматривать как некое сообщение из символов 1 и 0, то вероятности могут указывать на информацию, а именно – чем меньше вероятность сообщения, тем больше в нём информации. Так говорит математика.

– Но в чём смысл информации? В нулях и единичках?!

Погодите. Чтобы её выделить, мозгу надо знать вероятности появления символов, правильно? Иными словами, понимание сообщения требует языка приёмника, стремящегося в пределе совпасть с языком источника генерирующего символы с одному ему известной вероятностью. А что такое вероятность? Результат предыдущих наблюдений. Отсюда видно, что информация – всегда субъективная вещь, имеющая смысл только в определённом контексте – когда вероятности сообщений точно известны заранее. Именно это мы и наблюдаем в жизни – информация всегда имеет разный смысл для разных людей. Что подводит нас к свободе: информацию нельзя до конца формализовать и математика тут не поможет.

– И компьютеры – обман зрения?

Компьютеры оперируют с частью информации – данными, алгоритмами, схемами, моделями. Но мозг – не

компьютер. Самое важное в информации – смысл, сведения полезные для понимания мира и движения к свободе. Если рассматривать внешний мир как сообщения для мозга, то очевидно что мы не только не знаем вероятностей источника, но что они ещё и меняются. Одни решки кажутся нам чем-то необычным потому, что мы видим их на фоне "закона 1/2". Но бесконечное повторение одного и того же, тех же решек, тоже не несёт новой информации! Ключевое качество информации – новизна, и она имеет мало общего и со случайностью, и с регулярностью.

– Полезным для понимания может оказаться что угодно, включая случайное и уж конечно регулярное!

Да, но данная полезность зависит от субъекта. Например, каждому из нас прежде чем пытаться познавать мир самостоятельно надлежит усвоить крайне полезную для него информацию уже добытую другими. Но истинная полезность – для всех – проистекает от объективной связи информации с изменениями в мире. Информация отражает структуру, организацию, сложность мироздания. Чем дальше развивается мир, тем больше в нём потенциальной информации. Можно сказать, растущий объём информации – отличительная характеристика любого развития. Отсюда связь со свободой, ведь детерминизм не создаёт информации.

– Может свобода это информация?

Информация похожа на проявление свободы. Человеку нужна информация чтобы творить новое. А оно содержит новую информацию.

– Но информация субъективна, а свобода нет!

И в той, и в другой есть и субъективное, и объективное. Единственный способ устранить субъективность – задавать вопросы.

– Как это поможет? Обеспечит достоверность информации?

Откроет дорогу к истине. Мы не можем быть уверены ни в истинности открытых законов, ни в существовании свободы, но если в случае законов мы по крайней мере имеем возможность убедиться в их неверности (так называемая "фальсифицируемость"), в случае свободы остаётся полагаться только на веру.

– Как же нам тогда различить случайность и свободу? В реальности, а не в скучных рассуждениях?

Иногда якобы "случайное" изменение приводит к необратимым последствиям. Система качественно меняется, появляется новое. Но случайно ли оно? И да, и нет. Например, случайна конкретная форма жизни, или мозг конкретного гомо-сапиенса, или поверхность планеты Земля. Однако, сам факт появления жизни, разума или планетной системы, пригодной для всего этого – не случаен. Как можно это заметить? "Обычная" случайность детерминирована, обратима – всё, что возникло случайно, может исчезнуть и появиться вновь, она ведёт лишь к вариациям. Но шаги эволюции имеют иную, недетерминированную основу. Они не могут быть отменены, они создают время и потому они явно не случайны.

– Ну и как это объяснить? Свобода – это Некто, кто стоит за этим?

Рисовать в воображении активного субъекта процесса, очеловечивать его, не слишком умно.

– Как же тогда вообразить свободу?

Например, как математику: и то, и другое – модели, описывающие реальность. Если математика позволяет предсказать, но не объяснить, то "свобода" – объяснить, но не предсказать. И математика, и то, что мы называем

"свобода" – абстракции, идеальные стороны материального мира. Это модели, которые разум сумел разглядеть в окружающей реальности. Математика "отражает" детерминированную часть реальности, если бы не было свободы, материя возможно двигалась бы (если предположить, что она могла бы как-то начать двигаться) строго математически.

– Значит одной математики недостаточно и надо для правдоподобия добавить свободу?

Если взять косную материю, то математика демонстрирует чудеса. Космология изучает "верхний" масштаб, квантовая механика – "нижний". В обоих случаях математика – наша единственная опора, потому что привычный здравый смысл на таких масштабах не работает. Но что касается поведения животных, а тем более человека – чем более точный ответ даёт математика, тем менее правдоподобно он смотрится. Чем ближе к свободе, тем математика бесполезней. Если абсолютно детерминированные процессы математика способна описать точно, а случайные события – приблизительно, то свободное поведение – вообще никак. Например, смогла бы она предсказать, что мы сейчас закончим наш диалог?

Эволюция, самоусложнение

– Не смогла бы, потому что не закончим. Значит вы утверждаете, что наука не может объяснить эволюцию?

Наука не знает никаких "законов развития".

– А как же диалектика? Её законы как раз описывают развитие материи!

Диалектика не наука, её законы – остроумные наблюдения не имеющие отношения к реальности. У развития нет и не может быть законов, иначе будущее стало бы закономерным.

– А как же борьба старого с новым? Разве это не диалектика?

Нет никакой борьбы, есть детерминированные процессы и есть рождение новой свободы. Соответственно, нет и никакой революционной необходимости в диктатуре и прочей ахинее, если вы об этом. Есть только творчество, поиск новых конструктивных идей, созидание.

– Но у развития есть внутренняя логика? Значит есть и закон!

Нет и логики. Свобода алогична, никакого её "внутреннего развёртывания", или развёртывания чего бы то ни было уже потенциально содержащегося в старом, не происходит. Можно говорить лишь об общем направлении – к более организованному, совершенному и свободному. Благодаря направлению изменения накапливаются, но поскольку свобода неформализуема, нет никакой возможности формально определить степень нового "совершенства". Наиболее очевидно усложнение форм материи, поэтому обычно говорят о новой сложности.

– Но наука же изучает эволюцию! Что она говорит?

Усложнение материи не имеет экспериментального подтверждения.

– Как это? Разве эволюция – не очевидный факт?

Эволюцию нельзя наблюдать, очевидны лишь её результаты. Соответственно, эволюцию нельзя проверить экспериментом, пусть сами факты не вызывают сомнений. Тут надо, однако, уточнить, что под "экспериментом" имеется в виду не искусственное создание сложной структуры или условий, при которых оно гарантированно произойдёт, а наблюдение самоусложнения в "естественных" условиях.

– А люди проводили подобные эксперименты?

Конечно. В частности, в течении 40 лет продолжались попытки наблюдать эволюцию живых организмов – но всё без толку.

– Выходит теория эволюции ненаучна? Или просто пока не доказана?

Ненаучна, поскольку никогда не будет доказана. Не всё что мы наблюдаем можно экспериментально подтвердить, но это не причина отвергать идею эволюции. Просто не надо искать законы эволюции, их нет.

– Но как может появляться новое без соответствующих законов? Скажем самый первый, случайный переход системы из точки бифуркации к новому, ещё неизвестному аттрактору – это явно появление нового! И при этом этот переход является детерминированным следствием решения уравнений системы! Вы сами говорили!

Да, но так ли детерминированно-случаен этот выбор нового пути развития? Нет, потому что первое – значит абсолютно непредсказуемое. Можно сказать, что в этой точке

времени ни законов, ни уравнений системы ещё не существует! Такая "самая первая" случайность – не случайность в смысле вероятности определённого решения уравнений, а рука свободы. Тут и происходит истинное самоусложнение, которое невозможно было просчитать. А вот уже после, когда эволюция "откроет" этот новый путь, можно говорить о детерминизме, законах, вероятностях и т.д.

– Но математика, а значит и все возможные уравнения, уже существовала до того, как появилось это конкретное "новое"!

Математика способна описать всё что угодно, включая то чего нет, не будет и не может быть – мы говорили об этом. Чтобы уравнение стало законом, оно должно соответствовать реальности, должно быть применимо к рассматриваемой системе.

– Но тогда что значит "первое" появление чего-то? Разве "первое" не относительно и субъективно?

Является ли "флуктуация" первой мы не знаем и принципиально не можем знать. Иными словами, как нет возможности отличить случайность от псевдослучайности, так нет и возможности отличить случайность от "руки свободы". Но, тем не менее, первая флуктуация обязательно существует поскольку существует время.

– А самоусложнение материи точно нельзя объяснить никак иначе? Может, мы просто ещё не открыли соответствующие законы?

Мы конечно ещё не открыли множества законов. Но в тех, что открыты, нет никаких намёков на возможность самопроизвольного усложнения. Очевидно, что рост сложности и устойчивости новых форм материи идёт прямо наперекор всем известным, и можно уже точно сказать – вообще всем законам. Скачки самоусложнения остаются вне закономерностей. Так, появление жизни и человека не только

не объясняется химическими или биологическими или социальными законами, но напротив, сами эти законы появились вместе с жизнью и человеком.

– То есть законы появляются сами собой?

Законы описывают регулярности, а сами регулярности возникают по мере развития, вместе с ростом сложности. Когда организация системы претерпевает качественное изменение, её поведение перестаёт сводиться к законам поведения составляющих её частей – для её описания требуются новые законы свойственные только её новому уровню сложности. Скажем, законы электродинамики вряд ли можно объяснить с позиций квантовой механики, а свойства воды – свойствами атомов кислорода и водорода.

– Слышал о таком. "Эмёрдженс" – возникновение?

Оно.

– Но откуда появляются новые законы?

Новый уровень сложности как бы "одобряется" устойчивостью полученной конфигурации материи – поведение системы приводит не к её распаду, а к самосохранению. Говоря иначе, новое "выживает" потому, что проявляет устойчивость, само себя воспроизводит. Устойчивость проявляется в повторяемости, а повторяемость – это и есть "закон". Законы отрицают свободу и "заставляют" её развивать материю дальше, а значит производить новые законы. Эволюции приходится делать новый шаг вперёд. Вот почему законы природы не существуют "всегда", а появляются по мере эволюции, по мере возникновения новых уровней сложности.

– А тогда почему в обществе наоборот? Почему в обществе законы порождают свободу? Может, это свобода – следствие законов!

Нет, точно также. Законы в обществе – инструмент образования новых общественных структур, их оформления когда они уже созданы разумом. Т.е. законы – не сами по себе, не как выражение свободы и общественного порядка, а как средство утверждения нового качества организации общества, новой и более свободной формы материи, как бы средство её самосохранения.

– Неужели "созданы разумом"? А как же историческая необходимость и прочие объективные закономерности прогресса? Базис, надстройка, производительные силы...

Выкиньте эту чушь из головы. Люди придумывают идеи, делятся ими, обсуждают, находят практические способы их реализации. Чем свободнее люди, тем они охотнее придумывают идеи, воплощают их и создают новое. Люди не муравьи, из труда которых сам собой возникает муравейник. Новые идеи и последующие законы – всегда следствие свободы, а потому нет и не может быть никаких законов усложнения, тем более общества.

– Действительно нет?...

Можно лишь привести некоторые предполагаемые "механизмы" недетерминированного развития материи: осуществление крайне маловероятного события, например случайное возникновение целого из частей (синергия), а порядка в хаосе; фазовый переход через кризис системы; усложнение живой системы вследствие синтеза и симбиоза. Но всё это – частные проявления эволюционных скачков обнаруженные постфактум. В этих "механизмах" можно видеть следы свободы, а можно, как верующие – священную руку Бога.

– Получается какая-то нелепость.

В этом смысл дуализма свобода-детерминизм. Мы должны определить детерминизм именно как повторение. Тогда появляется смысл в причинно-следственных связях и

законах природы, описываемых математически. И тогда логично объяснение эволюции – новое появляется там, где в данный момент "отсутствует" детерминизм. Ни случайность, ни вероятность не помогают. Только свобода.

– Но почему именно свобода? Почему не Бог? Ведь есть же теория "теистической эволюции" – всё как у вас, только вместо свободы – Бог!

Каждый качественно новый уровень сложности несёт с собой новую свободу, наделяет систему новыми возможностями по временной устойчивости и дальнейшему развитию. И конечно эта свобода проявляется в её поведении: чем сложнее система, тем труднее её описать, тем сложнее её законы и тем менее она предсказуема. Постепенно точные формулировки законов уступают место смутным и в конце концов, в случае человека, мы подходим к морали и свободному выбору. Рост свободы – это общий принцип: новые ступени эволюции обязательно преодолевают ограничения, свойственные материи нижнего уровня. Жизнь, например, гибче и устойчивей косной материи, она может самосохраняться, избегая ситуаций, где неживое с необходимостью исчезло бы, а разум позволяет находить выход там, где на это не способна неразумная жизнь, в том числе путём преодоления инстинкта выживания. В этом смысле деятельность нашего разума по улучшению мира направлена на преодоление уже более фундаментальных физических ограничений – условий среды, скоростей и возможностей движения, повышение качества организма и т.п.

– А может эволюция материи – это нахождение всё более сложных и потому устойчивых форм? Самосохраняющихся?

Нет, именно свободных. Самая устойчивая форма – та, что наименее подвержена эволюции, тараканы например неплохо сохраняются, а в масштабах вечности – например

"тёмная" материя, которая не меняется и способна самосохраняться очень долго. Разве не странно, что в результате "эволюции самосохранения" новым формам приходится приспособливаться и меняться всё быстрее, т.е. им всё труднее самосохраняться? Самосохранение – лишь один из аспектов бытия и свободы, её частное воплощение в довольно узких рамках – живого организма или вида животных, которые действительно стремятся самосохраниться. Однако уже разумной материи самосохранение чуждо – у неё другие цели, из которых абсолютно универсальна лишь свобода.

Далее, более высокоразвитые формы материи – одновременно и менее детерминированы, более разнообразны, они обладают большими "степенями" свободы (виды движения/взаимодействия/сил, энергетическая эффективность/малозатратность и большая устойчивость/меньшая зависимость от среды). Одновременно, качества развитых систем внутренне противоречивы – больше свободы, но и больше новых закономерностей, выше эффективность, но и выше потребности в энергии (выше интенсивность обмена), меньшая зависимость от конкретных ресурсов среды, но и большая зависимость от других систем в целом. А рост разнообразия форм сопровождается уменьшением их количества – каждая система становится всё более уникальной, всё менее похожей на своих собратьев! Преодоление детерминизма сопровождается нарастанием внутренних противоречий – мир становится всё фантастичнее, свобода как бы придаёт ему собственные черты. Какое уж тут самосохранение!

– Но ведь противоречия ведут к разрушению и смерти!

Напротив. Чем больше свободы, тем больше её хочется. Более совершенные формы материи обладают большей свободой и они используют эту свободу себе во "благо" – для получения новой свободы. В их дальнейшем развитии роль кажущейся случайности становится всё менее заметной –

сложные системы всё сильнее проявляют признаки целесообразности и целеустремленности, эволюция всё меньше движется простыми механизмами и всё больше творческим синтезом, например в случае примитивной жизни – симбиозом (многоуровневой интеграцией), социальной – согласованным принуждением, а у разумных людей, можно надеяться – целенаправленным поиском. Мироздание как бы начинает управлять собственным дальнейшим развитием, а само развитие становится более быстрым и эффективным. Так, появление видов животных происходило прогрессивно – тем быстрее чем они сложнее. Но особенно это заметно у людей – чем больших успехов достигает какое-либо общество, тем оно динамичнее, тем быстрее движется вперёд.

– Да ну! Чем свободнее общество, тем больше в нём свободы, а значит и больше насилия!

Типично для людей не понимающих сущность общественной свободы... Большая степень свободы означает большую уникальность, большую степень вариативности поведения, разнообразие ответов на внешние обстоятельства и воздействия. Творчество, инициативность тоже можно считать способом отложенного по времени ответа. Творческое изменение мира – в сущности ответ на его детерминированность, а поскольку свобода – полностью непредсказуемый ответ, то он не может быть насилием, ибо сила всегда подчиняется закону, повторяется. Творчество человека всегда расширяет общие возможности, способствует сотрудничеству и миру, уменьшает насилие. Творчество не просто несовместимо с насилием, оно направлено против него, ведь насилие – это проявление детерминизма в отношениях людей.

– А можно подробнее про "управление развитием"? Что это за зверь?

Это как бы эволюция эволюции, если так можно

выразиться. Большая Эволюция становится сложнее по мере расширения свободы – начиная с бесконечно малых дискретных изменений до внезапных озарений вдохновенного гения. Так, если в случае атомов Эволюция, возможно, проявлялась в росте их сложности, то в случае живого сложности уже недостаточно – рост сложности не обязательно приводит к качественным сдвигам. А в случае социальных систем уже недостаточно и приспособляемости (гибкости экономики, демократичности, технического прогресса) – необходимы целенаправленные сдвиги к свободе. Последнее, кстати, принципиальная особенность эволюции общества, прогресса. В отличие от всей предыдущей эволюции, в обществе возможен регресс – исчезновение свободы. Общественный этап эволюции требует именно осмысленного, осознанного стремления к свободе.

– Интересно почему?

Так происходит эволюция у разумных существ – она основана на свободной воле, а значит может идти назад, если разум не желает трудиться. Поэтому, строго говоря, выражение "свободное общество" или "свободная страна" неверно.

– А как же надо говорить?

Более развитая. Страна может быть свободной только если её граждане постоянно отстаивают свою свободу, заботятся о ней и борются за неё. Надо ли говорить, что это из области фантастики. Ещё одна особенность социальной эволюции – эстетическая составляющая. Творчество человека – это и проявление стремления к красоте, ибо свобода всегда связана с красотой. Посмотрите на животных. Глупо отрицать, что многие их формы обладают эстетическим совершенством. Очень может быть, что чем уродливее форма тем она менее свободна. Царство жизни – наглядный пример сочетания уникальности и

универсальности свойственной красоте.

– Ну хорошо. Как насчёт мутаций и естественного отбора? Это двигатель биологической эволюции?

Сами по себе мутации редко способны приводить к качественным сдвигам, а если и способны – то сдвиги эти, как правило, будут в сторону деградации, и чем сложнее система тем сильнее деградация.

– То есть полезных мутаций нет?!

Пренебрежимо мало. Задайте себе вопрос – почему мы слышим только о дефектах новорождённых, а не о накоплении в населении каких-то новых способностей? Почему количество гениев исчезающе мало по сравнению с тупыми, больными и уродливыми?

– Тогда мутации должны приводить к постоянной деградации, особенно людей!

Так и есть. Факт генетической деградации человека – рост его "генетической энтропии" – уже установлен. Есть даже оценки – 1-2% в поколение.

– Почему же мы тогда ещё не умерли все?!

В былые времена выживали только здоровые – естественный отбор "помогал". В наше время помогает медицина, но что будет дальше остаётся гадать.

– А может дело в какой-нибудь "синергии" мутаций, их совместном действии?

Синергия разрушающих мутаций только ускорит деградацию. Чтобы непрерывная цепь множества мутации, включая предварительное копирований частей ДНК, породила новое усложнение, а тем более новую форму жизни, она должна быть целенаправлена – откуда мы опять

приходим к направляющей "руке свободы". Есть эксперименты указывающие на возможность таких адаптивных/направленных мутаций, вызванных изменениями среды. Пока их обнаружили только у бактерий, но думаю, скоро обнаружат везде.

– То есть правы креационисты?

Разумный замысел, искусственный проект, умный дизайн и т.п. – пустые слова, пока не указано кто или как это делает. "Творец" "сотворил" – не ответ, а уход от ответа.

– Значит тогда дело в естественном отборе?

Естественный отбор – лишь закон существования (выживания) живых существ, не говоря о том, что чем проще организм тем он зачастую жизнеспособнее. В случае эволюции, отбор не является её "законом" поскольку у неё вообще не может быть законов. Чтобы подобный закон мог работать, появление нового должно быть детерминировано. Но появление нового – творческий акт. И этот творческий акт отрицает детерминизм не через разрушение и смерть, а скорее через примирение и сотрудничество.

– Но выживание сильнейшего – это реально существующий закон эволюции!

Не эволюции, а самосохранения и не сильнейшего, а наиболее приспособленного. Тут проблема в том, что само существование живого неотделимо от его постоянного приспособления к условиям среды. Так, дельфины появились когда четвероногое загнали в воду, а птицы – когда четвероногому пришлось высоко прыгать. Т.е. мутации идут направленно и явно определяются потребностью выживания. Соответственно, естественный отбор (равно как и искусственный "отбор" в обществе) – двигатель этой "эволюции". Но эта "малая эволюция" порождает разнообразие, а не принципиально новое. Сильнейший выживает потому, что уничтожает слабого, а не потому что

становится качественно лучше – он просто отращивает клыки и когти. Слабый выживает потому, что научается прятаться или высоко прыгать.

– А что мешает создать таким образом новое? Может это и есть новое?

А смысл? Более сложное уязвимее, оно требует более благоприятной среды. Выживание не может требовать сложности – нет никакого закона обеспечивающего более сложному лёгкую победу в конкуренции с примитивным, но сильным и плодовитым. Мы до сих пор боремся с вирусами и можно гарантировать – никогда не победим до конца!

– А почему "творчество" свободы порождает сходные эволюционные результаты? Все животные по большому счёту похожи друг на друга!

Свобода, несмотря на всю свою изобретательность, не всесильна. Так, она особенно "активна" в моменты, когда в детерминизме образуется своеобразная "брешь" – условия как бы становятся более благоприятны для творчества. Скажем, те же неустойчивые состояния системы, когда даже "взмах бабочки" может реально на что-то повлиять. Как говорится, счастливый случай – ведь даже человеку для творчества нужны условия! И как человек не способен сотворить несотворимое, так и свобода иногда повторяется – она ограничена тем спектром возможностей, которые у неё есть, которые она смогла "заложить" ранее. И она не может сотворить нечто очевидно. Например, почему нет зелёной шерсти? Это было бы огромным преимуществом для тех млекопитающих, кто прячется в листве или траве. Зелёных земноводных полно, а теплокровных нет. Почему?

– Вот именно...

Свобода всегда опирается на существующее – синтез, как наиболее вероятный "механизм" творчества, требует готовых базовых блоков. Например, все химические

элементы состоят из нуклонов и электронов. Но можем ли мы сказать, что сотворение химических элементов было детерминировано как только эти элементарные частицы оказались в свою очередь сотворены? И да, и нет. По крайней мере, первый атом был чем-то абсолютно новым. А вот новизна следующих элементов уже не настолько впечатляюща. Тут свобода идёт по проторенному, хоть всё ещё и не вполне детерминированному пути. Она словно экономит силы в борьбе с детерминизмом, она предпочитает сперва использовать все имеющиеся возможности прежде чем конструировать что-то принципиально новое. Возможно поэтому мы так часто наблюдаем дублирование и комбинирование там, где нам бы хотелось увидеть безграничный полёт фантазии.

– Но если появление других атомов было предрешено заранее, какое же это творчество?

Да, нам кажется в ретроспективе, что нечто было предрешено. А на самом деле? А если бы нужные условия не сложились? Предсказать можно только опираясь на закон, но как отличить закон от творческого синтеза? Только в результате многократного наблюдения его проявления – но с новым такое не проходит!

– А что это за нужные условия?

Трудно сказать. Но, например, чем больше разнообразия, тем больше возможностей для дальнейшего творчества. Или, чем необычнее ситуация, тем ближе к непредсказуемому исходу. В периоды "переломов" или "кризисов", детерминизм как бы ослабляет хватку над реальностью, предопределённость смещается в сторону хаоса. Но, с другой стороны, стабильность, умеренный климат и хорошее питание также способствуют творчеству!

– Значит, в эволюции всё же есть хоть какие-то закономерности?

В чём-то вы правы. Строго говоря, мы должны различать эволюции и Эволюцию. Как невозможно провести чёткую границу между старым и новым, так и между детерминизмом и свободой, а соответственно – между эволюциями на "одном уровне" организации материи и Главной Эволюцией. Например, даже мы сами не можем точно отделить наши абсолютно свободные действия от тех, что имеют причину. Умение выделить закономерность, повторяемость – искусство как и всякое познание, ведь всякая закономерность имеет вероятностную природу, никакая повторяемость не является абсолютно строгой. Познание нового – акт свободы такой же как и его создание.

– Если свобода и детерминизм не имеют чёткой границы, можно говорить о степени нового. Как мы говорили, от более вероятного – к менее вероятному. Как же тогда вообще определить новое?

Можно рассматривать два аспекта – абсолютный и относительный. Относительный – новизна в пределах нашего знания, одно и то же новое событие является новым когда оно первое, затем всё менее и менее новым и всё более и более вероятным, поскольку мы считаем вероятность исходя из предыдущих событий. Абсолютный – степень новизны самого первого события, насколько оно противоречит предыдущему ходу вещей.

– А как тогда происходит превращение нового в старое? С относительным вопросов нет, но с абсолютным?

Тут новое становится старым просто по факту своего существования – как повторение себя. Жизнь есть. Люди, вероятно, скоро смогут её появление даже повторить, если ускоренно и последовательно "проиграют" множество химических реакций, но процесс появления жизни не станет от этого более вероятным. Можно сказать, что по мере роста сложности относительное всё больше сменяется

абсолютным. "Законы" появления нового сменяются законами движения старого. Появление нового становится всё более "трудным". На первых, примитивных стадиях развития Вселенной работала относительная новизна – новое появлялось почти детерминированно. Но чем дальше, тем больше свободы, а значит появление нового всё менее предсказуемо.

– А было ли познание свободы детерминировано?

Мы не знаем даже состоялось ли оно! Судя по нашему диалогу – ещё нет. Рассудок довольно легко распознаёт строгую детерминацию, хотя и не гарантированно. Сложнее распознаётся сложно-детерминированное – живое, точнее, животное. Ещё сложнее – разумное, оно распознаётся только разумом. Познание отличается от распознавания, первое – коллективно и объективно, последнее – субъективно. Так что свобода ещё не познана.

– Так значит, все эти разговоры – только догадки? Возможно, эволюция закономерна?

Главная Эволюция – это качественные сдвиги, в их существовании можно быть уверенным. Но между ними всегда можно обнаружить множество мелких, которые кажутся или случайными, или закономерными. Мелкие, локальные эволюции – это всегда в большей степени количественное разнообразие, например, те же атомы, или сходные виды животных, или культуры и организации общества. Новое как бы ещё не слишком новое, усложнение идёт, но постепенно. Ухватив начало такой "цепочки", мы, кажется, способны видеть её продолжение. Нам кажется, что в ней действуют вполне логичные законы, типа выживания сильнейшего в эволюции видов или групп людей. Но рано или поздно, оглядываясь назад, становясь на "глобальную" точку зрения, мы придём к качественному различию и увидев его в первый раз зафиксируем абсолютную новизну. Своего рода "парадокс непрерывности" в применении к развитию.

– Но в чём смысл этих "качественных" сдвигов?

В том, что создана новая сущность, новая форма материи, которую нельзя свести к её составным частям. Так, атом – это не сумма элементарных частиц, ДНК – не сумма атомов, а организм – не сумма клеток. А уж общество развитой культуры нельзя сравнить с дикарями – там вполне качественная разница.

– И новое качество как раз и есть новая свобода?

Да, суть "нового качества" – новая свобода.

– И в мире постоянно "накапливается" свобода?

Свобода "накапливается" превращаясь в сложность и многообразие. Окружающая реальность очевидным образом сочетает в себе и детерминизм, и свободу. Это сочетание может существовать только в виде непрерывного движения от старого к новому. Но новое не может "существовать" – как только оно появляется, оно само становится старым. Даже сам процесс появления нового, будучи недетерминированным, в каждом конкретном случае может, однако, повториться. Так получается, что новое, накапливаясь делает мир сложнее и многообразнее. Новое, а точнее свобода, которая стоит за ним, заполняет мир, причём по мере его заполнения возможностей появления нового становится всё больше, поскольку становится всё больше повторяющегося, от чего свобода "вынуждена" отталкиваться, что преодолевать.

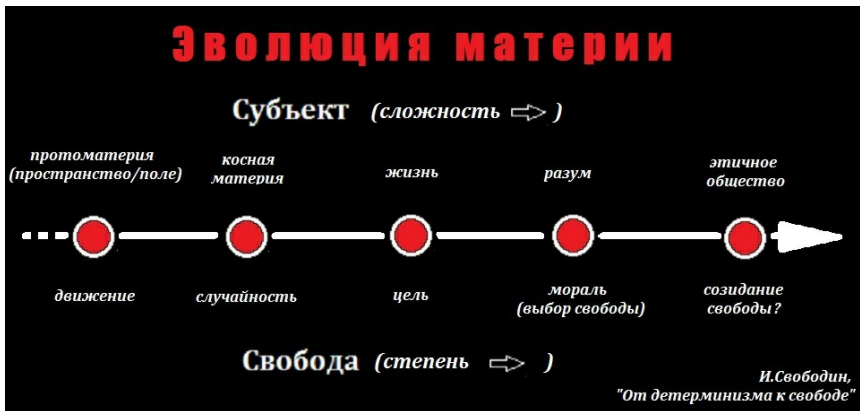
Таким образом в процессе развития, объектов, взаимодействий и сил становится больше, новое появляется всё чаще, а значит мироздание становится свободнее. Противоречие между детерминизмом и свободой, проявляющееся в эволюции, движет мир к свободе. Движение это, скорее всего, бесконечно как и сама свобода, и на каждом шаге свобода, "побеждая" детерминизм, сама

"побеждается" детерминизмом, что требует дальнейшего движения. Примерно как и наш диалог, который повторяясь и повторяясь, неизбежно приближается к свободе. Правда, конец у него точно будет.

Свобода, воля, разум

– Погодите. Так значит, свобода – цель всего? Звучит. А можно ли конкретно увидеть как проявляется эта цель?

Хотя измерить свободу невозможно, можно оценить её рост. Вообразим "стрелу" эволюции материи. Сначала появилась "протоматерия" – первобытное пространство/поле. Её свобода заключалась просто в способности меняться. Это первая "степень" свободы – движение. Следующий этап – косная материя, а её дополнительная свобода – случайность. Далее развитие пришло к живой материи, где целесообразность сменила бессмысленное случайное движение. За живой материей возник разум, обладающий новой свободой – возможностью недетерминированного выбора цели. Стрела показывает как с ростом сложности материи растёт степень её свободы, можно сказать растёт субъектность материи. Следующим этапом возможно станет этическое общество, которое благодаря договору его граждан тоже приобретёт черты субъекта – станет действовать как единое целое, а не как сейчас – хаотично-детерминированно. И станет целенаправленно созидать свободу, распространяя её по всей вселенной – ведь для такого общества не будет преград!

– Ух ты!.. Красиво конечно, но есть загвоздка. Люди создают не этическое общество, а компьютеры, роботы и искусственный интеллект. Это и есть будущее – бессмертие, киборги, всё такое... Трансгуманизм! Технология перевернёт нашу жизнь...

... и свободное общество наступит без всяких усилий? Я бы не стал верить в эту чушь. Напротив, чем больше инструментов у злых людей, тем меньше шансов на светлое будущее. Сам же мозг останется для технологии недосягаем.

– Мозг – просто очень сложная машина и учёные скоро создадут нейронные сети сложнее мозга. ИИ станет реальностью!

ИИ никогда не станет реальностью. Максимум, что можно сконструировать – подобие животного, если заложить в робота цель, источник энергии и придумать способ репликации. Но человек отличается от животного свободным выбором цели. Понятно, что сами учёные, как и все остальные, не имеют ни малейшего представления о том, что это такое.

– Но тогда, если компьютер соединить с мозгом, получится сверхчеловек – свободный и бессмертный! Разве это не новый шаг эволюции?

Человек и так подключился к компьютеру – посмотрите на интернет. Ну и как, уровень интеллекта впечатляет?

– Это совсем не то!

Именно то. Компьютер – всего лишь инструмент, как и робот. Никогда его не удастся вживить в мозг – так же как и палку срастить с рукой. Мозг и компьютер "думают" на разных языках – не говоря о том, что у каждого человека этот язык свой. Бессмертие звучит заманчиво конечно, жаль вас разочаровывать, но думаю цель мироздания немного иная. Да просто сравните сложность общества состоящего из

свободных людей и машины состоящей из проводков.

– И всё-таки странно, как же цель мироздания может быть сама по себе?

Судите сами. Возможно ли, чтобы у всего сущего не было бы смысла? Что всё появилось совершенно случайно? Что всё невысказанно долгое развитие мироздания происходило наобум и при этом загадочным образом привело к нашему сегодняшнему разговору? А как оказалось, что у человека вообще есть какая-то цель? Откуда она могла взяться, если всё в этом мире случайно и бессмысленно?

– Но если свобода непознаваема, в чём же заключается эта цель?

Кто ж знает... Всё, что можно сказать, свобода создаёт саму себя. Она организует и материю – путём самоорганизации, и жизнь – путём "малой" эволюции, и разум – с помощью морали. Она является и Начальной причиной, и Конечной целью всего. Она придаёт мирозданию смысл.

– Что-то это всё напоминает... саморазвитие Духа?

Свободе не надо развиваться. Парадоксы свободы заслон разуму на пути её познания, а не внутренняя пружина её "развития".

– А-а, вспомнил! Это объективный идеализм! Мировая Душа! Универсальное Сознание! Логос! Бессознательное! Психея! Бесконечный Разум! Абсолютная Идея! Мировая Воля...

Тссс... успокойтесь. На первый взгляд свобода действительно напоминает демиурга, формирующего из материи объекты. Но этот взгляд поверхностен. В отличие от идеалистических учений, где идеальное существует независимо от материального, от нас и вообще от всего остального, свобода не существует, она лишь проявляется

где-то и когда-то, и, что важно, теперь мы представляем себе каким образом это происходит. Мы понимаем, что детерминизм по сути помогает свободе создавать реальность тем, что "фиксирует" созданное, он – её равноценный антипод, это свойства мироздания "работающие" вместе и развивающие его в нужном направлении.

– Если антипод, то это дуализм! А разве мало было таких конструкций – параллельный умственный мир, ноуменальный...

Дуализм, но правильный! Свобода не есть нечто противостоящее материальному миру. Свобода – пусть и загадочная, но реальная часть мироздания. Свобода/детерминизм – это непознаваемое/познаваемое, изменчивое/постоянное, неопределённое/определённое и т.д.

– А чем ваша трактовка свободы отличается от учения какого-нибудь витализма, где тоже присутствует некая направляющая сила, энтелехия например?

Тем, что эта "сила", несмотря на свою таинственность, получила внятное имя и некое, пусть приблизительное толкование. Она перестала быть сродни чему-то божественному.

– Всё равно, по сути свобода – что-то вроде Бога-творца! А значит деизм!

По крайней мере перед свободой не надо падать ниц. С ней надо сотрудничать, использовать её.

– Это ещё неизвестно кто кого использует!

Да, но демиурги – мы сами, ведь творя новое мы сами выполняем функции свободы.

– И ещё мы её любим – почти как Бога!

Скорее ценим. Тут есть интересная связь. Благо – моральная ипостась свободы, а Бог – её очеловеченный образ. Но новое же не обязательно хорошее! В неразумной природе свобода равнодушна и безразлична к добру. Зато в человеческом обществе прогресс явно ассоциируется с улучшением условий – общество становится благоприятнее для людей. Даже если они осознанно не стремятся к свободе, эволюция делает своё дело – жестокости и насилия становится меньше. В этом плане даже религия может играть положительную роль – ровно постольку, поскольку ограничивает насилие. Люди могут молиться Богу и одновременно продвигаться к свободе. Но конечно, чем осмысленнее это будет происходить, тем быстрее пойдет прогресс. Люди будут творить новый мир эффективнее.

– Если свобода – часть мироздания, почему такой контраст: для нас свобода – сама наша сущность, а в прочей материи она как бы особо и не видна. Может свобода свойственна только разуму?

Движение всегда имеет направление. С этой точки зрения, свобода – это "куда", она есть, была и будет. Но, с другой стороны, что такое движение? Это изменение чего-то. Например, пейзажа за окном. Соответственно, есть некая связь между "куда" и этим пейзажем. Вероятно, чем дальше мы двигаемся, тем больше пейзаж напоминает свободу. Просто нам трудно вообразить мир совсем без свободы – без движения например. И, кстати, о сущности: разве движение, изменение, взаимодействие – не сущность материи? Без этого материя бы не проявилась, а значит и не существовала. А цель – стремление выжить – не сущность живого?

– Получается, что мы все идём к цели, но не можем понять, в чём она заключается?

Получается. Понимая механизмы взаимодействия

свободы и детерминизма, мы, однако, остаёмся абсолютно вне какого-либо понимания свободы – в силу самой её природы. Всё, что мы твёрдо понимаем, так или иначе проявляется как детерминизм, понимание свободы остаётся на уровне предположений, догадок и интуиции. Так, сам принцип появления нового может рассматриваться как детерминированный "закон", поскольку новое "обязано" появляться. В этом факте проявляется принципиальная внутренняя противоречивость понятия "нового" – и соответственно свободы "как отсутствия любого закона". Логично предположить, что внутренняя противоречивость – необходимое условие, препятствующее нашему пониманию свободы. Таким образом, сама логика, будучи проявлением детерминизма, подтверждает наличие своих пределов, а значит и наличие свободы, как своей противоположности.

– А может, свобода – просто отмазка, чтобы списать на неё все парадоксы мира?

По крайней мере, мы можем попытаться с помощью свободы объяснить всё, что угодно.

– Как можно всё объяснить тем, что не поддается объяснению?

Это единственный способ, потому что в конечном итоге любое размышление всегда упирается в противоречие. Например, "ничто", "всё", пространство, время, сила, закон – они все противоречивы. Противоречивость, парадоксальность – очевидное и не поддающееся дальнейшему объяснению свойство мира.

– Ну и как тогда свобода помогает объяснить мир?

На неё можно списать всё непонятное и пользоваться на практике тем, что уже понято. Наше понимание так или иначе основывается на непонятном. Мы понимаем что-то, если знаем цель или причину. В случае субъекта нам важна цель, в случае объекта – причина. Свобода как цель –

самодостаточна и не требует дополнительных объяснений. Похоже обстоит дело с причиной. Поскольку всякая причина может быть объяснена только причиной следующего уровня, наше понимание рано или поздно упрётся в самую первую причину, объяснить которую будет нечем, а потому она и объясняется свободой.

– Как же тогда мы вообще что-то понимаем?

Это иллюзия, которую нам дарит детерминизм. Как только мы находим математическую формулу, модель, соответствующую наблюдаемым фактам и правильно предсказывающую будущее – нам кажется, что мы понимаем. Например, так мы "понимаем" расширение Вселенной или рост энтропии.

– А почему мы вообще решили, что свобода существует?

Уже забыли? Разве свобода мыслить – не существует? Разве свобода воли – не существует?

– Некоторые учёные утверждают, что свобода воли – это иллюзия!

Как может быть иллюзией то, что для нас наиболее реально? Свобода быть собой, возможность собственной уникальности – независимо от того, можем ли мы на самом деле быть по-настоящему уникальными – это единственная вещь в которой мы на 100% уверены! Всё остальное может быть обманом, но свободу думать и поступать никто не может нам навязать.

– Однако учёные досконально исследовали мозг и не обнаружили там никакой свободы!

Чем больше возможностей и причин, тем больше вариантов будущего. Да, для многих свобода воли – иллюзия: причин в их голове так много, что возникает иллюзия независимости от конкретной причины, но истинная

свобода – создание новой причины, нового варианта будущего. Это собственная уникальность, независимость и самодостаточность, творчески появляющаяся в разуме и проявляющаяся в такой же уникальной деятельности.

– А может всё-таки "свободная" воля – просто случайная флуктуация импульсов в мозге? Ведь должна же как-то возникнуть физическая сила, приводящая в движение мускулы тела?

Да флуктуация, как и физическая флуктуация приводящая неравновесную систему в принципиально новое состояние. Но только случайна ли она? В мозге учёные обнаружили нейроны активизирующиеся случайным образом, без какой-либо внешней стимуляции, но они лишь создают случайный фон, которым мозг пользуется чтобы создать результирующий мышечный импульс. И раз эта результирующая "флуктуация" целенаправлена, можно смело утверждать, что и подобные "флуктуации" в природе имеют иной, более высокий смысл, чем просто детерминированное, бессмысленное повторяющееся движение.

– Но почему учёные до сих пор не разобрались в этой проблеме?

Проблема совмещения детерминизма и свободы воли нерешаема, что подтверждает вся две тысячи четырёхсот летняя история этого вопроса усеянная сотнями тел... то есть имён. Есть много подходов, но все они неверны. Например, компатибилисты заявляют, что детерминизм и свобода прекрасно уживаются, но объясняют это тем, что свобода – просто социальная условность, в сущности иллюзия: дескать, всё наше поведение запрограммировано генами, средой, обществом и т.д. и т.п. (не считая "компатибилистами" тех, кто по-простецки считает, что весь этот детерминизм не относится к людям или вообще неважен в жизни). Инкомпатибилисты считают, что детерминизм и

свобода несовместимы, однако в объяснении этого распадаются на три группы. Первая, что нет ни детерминизма, ни свободы (жёсткий инкомпатибилизм). Вторая, детерминизм есть, а свободы нет (это ещё называют "жёстким детерминизмом", по сути тот же компатибилизм). Третья, есть индетерминизм и свобода, но последняя, соответственно определению индетерминизма, лишь "игра случая" (либертарианизм). Впрочем, некоторые либертарианцы идут дальше и объясняют свободную волю нефизической "душой", вселенским "духом" или мировым "разумом", а самые смелые из них открыто заявляют, что события могут происходить без всяких причин – в этом де проявляется агентность (субъектность) человека. У теологов дела не лучше, что естественно, поскольку Бог по определению всё знает. Одни теологи полагают, что свобода есть, но дана Богом и он лишь наблюдает (слабый теологический детерминизм), другие – свобода иллюзия потому что мы управляемся Богом и будущее им предзадано (сильный теологический детерминизм или фатализм). В общем, цирк.

– Почему же проблема нерешаема? Вы вон решаете тут!

Потому что свобода непознаваема – а такое решение мало кому нравится, пусть даже оно абсолютно верное.

– Получается учёные в этом вопросе полагаются просто на личные предпочтения?

И это подчёркивает, почему роль этики в науке столь велика.

– Но вообще-то я согласен с учёными. "Непознаваема" – это не решение. Так можно что угодно объяснить!

Да, вы правы. Возможно я тоже злоупотребляю этим "решением". Познание – это искусство, кто знает, что мы будем способны понять, а что нет. Боюсь, однако, в данном случае это решение придётся принять.

– Но признание такой важной части мироздания непознаваемой ставит крест на наших надеждах познать мир!

В данном случае нет. Познавать свободу можно познавая её антипод, детерминизм, это и есть единственный правильный путь познания.

– Звучит словно свобода – познанная необходимость!

Тогда уже напротив – непознанная!

– А может всё же попытаться разобраться? Вопрос-то неспроста! Как, например, выяснять виновность человека? Как наделять правами? Оценивать дееспособность?

Хорошо. Что вы хотите понять?

– Давайте с начала. Что такое "детерминизм" официально?

Предопределённость будущего. Жёсткий детерминизм предполагает, что будущее только одно и целиком определяется прошлыми событиями и законами природы. В таком мире нет свободы (импоссибилисты), она скорее всего иллюзия. Некоторые иллюзионисты даже стали ревизионистами и требуют покончить с наказаниями преступников.

– Офигеть. А тогда мягкий?

Это когда "свобода – познанная необходимость", т.е. свобода понимается в смысле социальной условности, свободы поступать как хочется, без преград. Иные названия – компатибилизм и полукompatибелизм. Если первые признают полную совместимость детерминизма и их версии свободы, то полукompatибелисты говорят, что моральная ответственность совместима с детерминизмом, а свободная воля – нет. Почему – сами не знают, они агностики.

Некоторые из них допускают, что вообще нет ни свободы, ни детерминизма, а есть только моральная ответственность, и она для них куда важнее любых умозрительных концепций. Для них это псевдо-проблема, как оно, кстати, и есть в этом случае.

– То есть уже ближе к вам. А есть ещё более мягкий детерминизм?

Есть ещё "адекватный" детерминизм, "микро-детерминизм" или "почти-детерминизм". Это когда на макроуровне детерминизм, а на микроуровне – вероятности.

– И что?

Да ничего, та же фигня вид сбоку. Остаётся индетерминизм. Будущее предзадано но не полностью – оно в известной степени случайно, соответственно законам природы. Если прямо следовать этой позиции, то свободы всё равно нет – мы просто поступаем случайным образом, хотя думаем что свободны. Моральной ответственности опять не выходит.

– А есть ещё более мягкий детерминизм?

Есть много ещё чего. Например, ограниченный детерминизм, мягкий инкомпатибилизм, инкомпатибилизм источника, но самое лучшее либертарианизм – детерминизма нет вообще. Из них есть радикальные (считают, что ничто не определяет действия человека, даже его желания и чувства), умеренные (всё начинается случайно, но затем определяется волей человека), дуалисты (свобода принадлежит потустороннему миру, а люди обладают причинной агентностью), религиозные (это умеренные теологи), событийно-причинностные, мягко-причинностные, беспричинностные... Есть "новый" компатибилизм, но уже не помню, что там нового.

– Ладно, хватит.

Да, философы работают. Свою лепту, кстати, вносят и учёные, почему-то всё больше физики-теоретики. Они доказывают, что свободная воля требует мультивселенной, что время не существует, что прошлое и будущее так же реально как настоящее... и ещё в таком же духе.

– Слышал о таком. Видимо квантовая механика сильно действует на голову?

Да, не только наблюдатель влияет на волновую функцию, но и волновая функция на наблюдателя.

– Ну а что же всё-таки происходит в обычном мозге? Ведь надо же как-то вменить человеку ответственность, а значит и отличить здорового от невменяемого.

Давайте сперва посмотрим на мозг животного. Животные тоже кажутся нам способными вести себя свободно – поступать неожиданно например. Значит при желании можно найти в их мозге аналогичные флуктуации импульсов, спонтанно активирующих мышцы. Эта животная свобода инициировать действие, однако, не та человеческая свобода о которой мы говорим. В основе поведения животного лежат эмоции и инстинкты, все его действия подчинены заданной цели и обязательно имеют причину – страх, голод, скука и т.п.

– Но ведь эта способность тоже идёт наперекор детерминизму?

Животные действительно свободнее неживых тел, однако их поведение может быть описано моделью какого-нибудь биоавтомата, управляемого детерминированной программой выживания, пусть и способной самоизменяться в некоторых пределах. Мозг человека – следующий шаг к свободе по сравнению с мозгом животного.

– А что там?

Самого главного мы никогда не узнаем. Можно только точно сказать, что случайные флуктуации ни при чём – разве когда мы роемся в памяти или ищем решения мы не управляем своим мозгом? Они возможно происходят во сне, когда человек видит забавные картинки и делает бессознательные движения, да и то известно, что у некоторых способных людей даже во сне мозг ищет что-то своё, новое. Наяву человек активно управляет своими "флуктуациями", причём управление происходит явно конкурентно, из двух условных "центров". Первый – улучшенный мозг животного, способный, помимо инстинктивных реакций на сигналы тела и среды, накапливать информацию в памяти и логически просчитывать варианты. Это – рассудок (интеллект, ум) и он активен почти всегда, поскольку, несмотря на необычайную сложность, детерминирован так же как и мозг животного: он следует поставленным целям, одна из которых – собственное выживание – намертво прошита эволюцией и не предполагает праздников и выходных. Второй, "моральный центр", настоящий разум, более позднее приобретение, возникшее как ответ на потребности коллективного быта и противостоящее эволюционному эгоизму. Он активизируется время от времени и способен направлять рассудок, ставя перед ним цели и анализируя его работу. К сожалению, у большинства людей этот центр слаб и способен проводить в жизнь лишь идеи, насильственно впихнутые в него воспитанием. Тем не менее, есть люди способные заставить моральный центр работать самостоятельно. Тогда и проявляется свободная, ничем не связанная воля.

– Похоже у вас раздвоение личности! Начнём с рассудка. Как убедиться, что я, например, не обхожусь флуктуациями?

Существование вашего детерминированного "я" легко проверить. Попробуйте, засыпая, ни о чём не думать и понаблюдать за работой своего мозга. Вы увидите цепь бессвязных образов, воспоминаний, обрывков мыслей – и так пока окончательно не потеряете связь с реальностью. Но

если, не успев заснув, вы захотите ещё немного пободрствовать, просто "включите" активный центр – задумайтесь над чем-то, вспомните что-то конкретное. Этот активный центр – ваш рассудок и он очень уверенно руководит вашими "флуктуациями".

– Надо заговорить с самим собой?

Не обязательно говорить. "Я" не связано напрямую с языком. Достаточно просто заставить мозг что-то вспоминать, какую-то цепочку событий, или представлять какие-то визуальные образы, или мысленно "напеть" мелодию – и вы сразу проснётесь.

– Ясно. А откуда тогда ещё какой-то моральный центр? Ещё один голос, как у шизофреника?

Не смешно. Второй центр не так активен, как первый, он ещё не слишком развит у современного человека – в сущности, мы ещё только на полпути между "живой материей" и "разумом". Однако его голос достаточно внятен. Иногда его называют "голосом совести". Конечно, это гипербола, никакого голоса мы не слышим, мы просто чувствуем свою неправоту. Второй центр проявляет моральную интуицию, подсказывает правильные поступки – причём как правило эти поступки идут прямо против того, чего хочется детерминированному "я". Моральный центр можно назвать "творческим", поскольку именно он генерирует идеи – и как цели, и как средства – для продвижения к свободе. Умение подчинить свое поведение второму центру и подавить первый, детерминированный, есть истинное проявление свободной воли.

– А познание мира где происходит?

Это рассудок. Анализ и запоминание информации необходимо для выживания. Этим занимаются все высокоразвитые животные.

– Но абстрактное мышление не свойственно животным! Это привилегия разума!

Абстрактное мышление, как и формальное/математическое – лишь инструмент, вроде языка. Оно возникло из идей наших далёких предков и закладывается в мозг в процессе воспитания и развития ребёнка. У взрослого оно, как и язык, работает само по себе, у кого-то лучше, у кого-то хуже. В любом случае, не надо его путать с работой настоящего разума. Отличительная черта разума – способность ставить свободные цели, преодолевать программу выживания.

– Свобода кроется в моральном центре?

Она начинается с работы морального центра и дальше проводится в реальность рассудком и волей. Впрочем повторю, "центр" – условность. Моральное поведение воплощает в себе одновременно ум+творчество+волю, всё вместе это и составляет разум (а вовсе не сам по себе рассудок, интеллект или ум, как принято считать). И заметьте, всё это свойства мозга, т.е. качества материи – даже воля, хоть и кажется чем-то приобретаемым в процессе воспитания, серьёзно полагается на "характер", на умение мозга заставить тело действовать. Вот так и проявляется наша свобода.

– Вы говорили, что свобода проявляется в способности думать и сомневаться. А теперь выходит всё по другому?

Действительно думать, говорить и действовать можно только когда моральный центр поставил цель и нашёл смысл. Иначе всё это – имитация, прогон программы выживания. Как можно отличить разумного человека от робота? Анализируя его цели. Есть свободная цель – есть человек и есть его моральный центр. Нет – мы имеем дело с человекообразной машиной или высокоразвитым животным. Или больным.

– А как можно найти цель, если не думать? Думать явно главнее, а значит рассудок важнее морального центра!

Это иллюзия. Эгоист сколько ни будет думать, придумает только как бы ловчее продвинуть свои интересы. Уже сам мыслительный процесс невозможен без цели и смысла.

– Т.е. эгоист не свободен только потому, что его цель задана природой? Но это же не значит, что он раб? Может как раз наоборот, у него в собственности рабы, а он, напротив, свободен!

Да, в общепринятом смысле раб тот, кто полностью подчиняется другим, но ведь любого можно подчинить, если приложить достаточно усилий, даже самые стойкие в конце концов ломаются. Важно не это, а то, что когда у человека есть выбор, а он есть почти всегда, он должен выбирать свободу – именно в этом заключается мораль. Выбор свободы предполагает и риск, и труд, и жертвы, и ещё много чего что подразумевается под словом "воля". Но всё это необходимо, чтобы быть человеком. Просто выживать, наслаждаться, вести себя как животное, поработавшая других – в этом нет никакой свободы, никакого смысла.

– Выходит надо отказаться от радостей жизни ради непознаваемой фикции с красивым названием?! Ну не знаю... похоже на безумие.

Хуже – не просто отказаться, а ещё и бороться за неё.

– Какая несмешная шутка!

Таков удел человека. Жизнь трудна, но разум куда труднее.

– А философия может помочь? Вот вы можете просто и ясно объяснить, что надо делать чтоб быть "свободным"? В чём суть "свободной воли"?

Надо делать мир лучше, потому что свободный мир – это лучший мир. Свободная воля – это стремление к преодолению детерминизма: и природного (естественных ограничений), и социального (насилия и несправедливости), и даже персонального (слабостей и недостатков характера). Надо действовать не по принуждению, не под влиянием обстоятельств, потребностей или пропаганды, а только из этого желания улучшить мир. Такие правильные, свободные действия, поскольку не имеют детерминированной причины, всегда направлены на какую-то творчески созданную цель и легко видеть, что подобные цели в итоге сводятся именно к свободе, т.к. остальные имеют корни в детерминизме. Свободные действия невозможно спутать с желаниями денег, славы или власти. Или с желанием победы над врагами и прочими нехорошими людьми. Всё это – детерминизм. Оттого, что некоторые люди ленивы и не хотят даже этого, не следует, что активные борцы за собственный или групповой успех свободны. Они такие же жертвы своих потребностей, пусть и более развитых. Истинно свободные люди действуют в целях свободы. Так свобода порождает этику, ценностное видение мира, где сама она выступает высшим благом, абсолютным добром. И эта этика так же объективна как и сама свобода.

– Люди столько лет бьются над загадкой добра и зла, а мы за час всё выяснили?!

Это благодаря вашему упорству!

Этика, договор, творчество

– Спасибо конечно, но если добро – это свобода, значит оно так же непознаваемо? Не слишком оптимистично.

Зато отлично познаваемо зло, а это куда важнее.

– И зло это, естественно, детерминизм?

Да. И познавая законы мироздания, наука помогает людям справиться с ним, стать свободнее. Как видите, этика имеет все необходимые объективные основания.

– Объективная этика должна быть чем-то вроде математики – чтобы помогать вычислять правильные поступки независимо от чьего-либо мнения. Должна существовать непротиворечивая моральная система на основе нескольких жёстких правил, которые хорошо сочетаются друг с другом.

Какое нелепое, детерминистичное представление об этике! Этика должна сочетать личную свободу и личную ответственность с универсальным, общим благом. А такое возможно только если в основе этики лежит объективное добро – свобода.

– А как же верующие? Они опираются на объективную мораль, которая идёт от Бога и не зависит ни от чьего мнения.

За исключением того, что кто-то им сообщил об этой морали от имени Бога. Они вычисляют свои поступки на основе священного писания, но что такое, например, Библия?! Вы только почитайте!

– А как же тогда вычислять правильные поступки?

Свобода возможна только если отказаться от насилия и

договориться. Именно этого требует этика. Правильность выявится в процессе договора и учёта каждого мнения.

– Выходит объективная этика – это не есть некий универсальный, абсолютный, вечный и независимый от человека моральный стандарт?! На мой взгляд, слово "объективная" означает в точности всё перечисленное!

Это от непонимания сути морали/этики или, в лучшем случае, от путаницы со словами "мораль" и "этика". Если говорить о правилах и нормах, то универсальная, абсолютная и вечная мораль/этика – нечто из области фантастики. В реальности, моральные нормы могут и должны меняться с развитием общества. Что является действительно универсальным, абсолютным и вечным – средство поиска моральных норм.

– И это?..

И это, во-1-х, договор, а во-2-х, свобода – как ценностная основа, практическое условие и конечная цель договора. Вне этого невозможна объективная, а значит и единственно правильная этика.

– То есть мне, чтобы поступать правильно надо договориться с вами?!

Да, в том числе.

– А в чём тогда объективность? Разве всё сказанное – не ваше субъективное мнение? Может мне оно не нравится?

Вы конечно можете отказаться от договора – в этом проявится ваша воля, пусть и не совсем свободная. Объективность будет в том, что вас тогда принудят делать то, что считают правильным другие – те, кто смог договориться. Внешнее насилие несомненно объективно по отношению к вашему желанию.

– Да, но при чём тут тогда этика?! Как насилие связано с ней?

При том, что вы сами от неё отказались, предпочтя своё субъективное мнение. Насилие – следствие вашего неэтичного выбора. Отказавшись от этики вы отказались от свободы.

– Но почему договор? Если свобода объективна, она должна сама как-то подсказывать нам правильное и нет.

Она и подсказывает – отказ от насилия. А любые сомнения в том, что есть насилие, как от него отказаться и т.п., подлежат развеянию посредством договора и никак иначе.

– Но если отказ от договора приводит к насилию, значит этика к договору принуждает! Кроме того, где гарантия, что договор получится и получится правильный? А то будет как у пчёл – кто громче жужжит или чьё мнение популярнее – тот и прав!

Да, проблем с договором много – главным образом потому, что свободный договор в природе не существует и более того – невозможен. Договор идёт против детерминизма: против всех видов принуждения и насилия, против затыкания ртов и навязывания точек зрения. Договор и детерминизм несовместимы. Выход из всех этих сложностей – принять свободу как базис договора: и как общее условие, и как требование к участникам, и как ценностную основу, и как конечную цель. В сущности, договор – не что иное как социальный эквивалент свободы. И как и свобода он не гарантирован.

– Не согласен. Договор есть в природе. Во-1-х, животные не только соперничают, но и сотрудничают. Во-2-х, теория игр строго доказала – договор выгоден. В-3-х, есть философские концепции морали основанной на эволюции и взаимовыгодном соглашении. Короче, свобода тут ни при

чём, всё строго по науке!

Всё неверно кроме животных, которые действительно кооперируются. Но они это делают по необходимости, чтобы выжить. Это не договор, а оппортунизм. То же относится к морали "по соглашению": договор не может быть выгоден всегда, рано или поздно выгоднее окажется предать. Как мораль может быть основана на выгоде? Это расчёт, а не мораль. Всякая эволюционная "мораль" полезна для выживания, но уже коллективного, это лишь шаг к настоящей, человеческой морали полностью отрицающей эгоизм. Тут мы видим, что мораль не возникла на пустом месте, у неё есть предшественница, как и положено эволюцией. То же, кстати, можно сказать и о таких человеческих чертах, как единобрачие и способность ставить дальние цели откладывая удовлетворение на потом. Всё это было необходимо для группового выживания в суровых условиях, но в конце концов превратилось в универсальную способность преодолевать детерминизм природы. Все эти черты способствуют настоящему договору, делают его более прочным.

– Тогда может мораль – просто следствие группового отбора?

Не существует генов "альтруизма", как и генных механизмов передачи адаптивных признаков с группового уровня на индивидуальный. Мораль развивалась в коллективе, но не путём генных мутаций, а путём принуждения. Эгоистов заставляли быть альтруистами. Но чтобы такое стало возможным, общее благо должно быть важнее личного. Это неотделимо от его осознания, а значит и от разума.

– А теория игр?

Она работает в небольшом коллективе, где все знают друг друга, но в таком коллективе никакие теории и так не

нужны, там действует мораль личных отношений.

– А что мешает распространить теорию игр на всё общество?

Присваивать каждому рейтинг? Это не общество, а концлагерь.

– И всё же договора не будет. Например, моральный реализм тоже утверждает объективность морали, но он с вами не согласен!

Моральный реализм, как и большинство существующих подходов к морали, примитивен. Он утверждает, что моральные суждения/высказывания могут быть истинными и ложными, что они могут быть не просто мнением основанным на личных ценностных предпочтениях. Дело обстоит сложнее. С одной стороны, это не совсем так: суждение может быть истинным и ложным по отношению к некоей норме. Это – объективный факт не зависящий от того, как была получена норма. Но поскольку такая норма может быть неправильна, об истинности самого суждения говорить неуместно. Например: высказывание "нарушать данное правило парковки нельзя" выглядит правдиво, но если правило парковки введено незаконно нарушать его можно. С другой стороны, да: суждение может быть истинным и ложным по отношению к норме полученной свободным договором. Тогда, если например говорить об истинности суждения, она поднимается до уровня моральной истины и становится твёрдым, объективным фактом сама по себе. Но с третьей стороны, нет: моральное суждение может быть частью процесса договора и тогда говорить о его истинности нельзя – оно подлежит анализу, обсуждению и оценке. Вывод из сказанного прост: до тех пор, пока моральный реализм не говорит ни слова о договоре и свободе – т.е. способах достижения моральной истины, его утверждения никак не обоснованны.

– Это разница только в деталях. Моральный реализм говорит, что объективная моральная истина существует и вы говорите то же.

И как реализм доказывает истинность этого своего утверждения? Никак. Объективная этика опирается на договор. Мы с вами согласились – это и есть истина.

– Ловко!

Более того, реализм не в состоянии сказать в чём заключается моральная истина и что будет с теми, кто ей не следует. Объективная этика говорит ясно и однозначно: отказ от насилия и договор. Те, кто не следуют моральной истине, теряют свободу.

– Но как свобода может быть объективной основой договора, если свобода ценностных суждений сама олицетворяет собой субъективность?!

С чего вы взяли?

– Как с чего? Суждения о фактах объективны, как объективны сами факты. А ценности у каждого свои!

Это большая ошибка. Ценности не берутся из ничего, так же как и факты реальности. То, что каждый волен выбирать себе ценности, говорит только о его свободе, и эта свобода объективна. Соответственно, до тех пор пока субъект осознанно выводит свои ценности из свободы, они имеют все шансы оказаться объективными.

– А что тогда ему мешает? Вернее не ему, а всем нам, судя по нашим бесконечным разногласиям!

Ошибки. Свобода же не даёт детерминированных ответов, отсюда и результат.

– Как же тогда не ошибиться? Как договориться? Это ж

чистая благоглупость – люди ошибаются даже с объективными фактами!

Да, ошибаются. Но если они стремятся к истине, они её обязательно найдут – так работает наука. И точно так же работает настоящая философия. Надо хотеть свободы, а значит хотеть слушать других и уметь договариваться. Общее согласие преодолевает субъективность.

– Что-то типа "свободные люди свободно договариваются чтобы стать свободнее"?

Да. Ведь источником наших ценностей служит не только свобода. Свобода позволяет нам оценивать мир, но она – лишь его половинка. Вторая половинка – детерминизм, и он тоже служит источником желаний. Ошибки возникают, когда человек подчиняется законам выживания, ведёт себя как эгоистичное животное, отказывается стремиться к свободе. Тогда ему кажется, что добро – это когда ему хорошо независимо от остальных, когда договор с ними не нужен и вреден для него. Его моральный центр подавлен, человек оказывается запрограммирован природой. Ошибки – следствие потери свободы, отказа от неё.

– А разве нельзя обойти ошибки с помощью рациональных доводов, нельзя по-хорошему убедить эгоиста стать человеком?

Чисто рациональные доводы в договоре не работают, поскольку самое рациональное – собственные интересы и договор в лучшем случае будет неискренним. Впрочем, насчёт "в лучшем" не уверен – неискренний договор хуже никакого. Для договора нужна единая ценностная, внерациональная основа, а уже из неё можно делать рациональные выводы. Исходный моральный постулат – вернее аксиома поскольку он очевиден – примерно таков: общую свободу надо сделать общей целью, каждому надо отказаться от эгоизма и насилия. Это и будет "по-хорошему".

– Иными словами, без любви никто никогда не договориться. Не зря христианство учит нас, что всеобщее добро – не что иное как всеобщая любовь!

Вот это и есть образец чистой субъективности. Любовь – всего лишь чувство, да и встречается оно не слишком часто, а если и встречается, то ненадолго и абсолютно конкретно – она избирательна, она обязательно сопровождается ревностью, она ставит одних людей ближе, других дальше. Всеобщей любви всех ко всем, уравнивающей людей, не может быть в принципе. Это настолько невообразимо, что заставляет усомниться в здравомыслии её проповедников. И они, что характерно, вовсе не горят любовью к другим. Заметьте также, что любовь лишает нас свободы. Свобода с другой стороны, не просто естественна для человека, она абсолютно необходима. При этом свобода в обществе возможна только как следствие равноправного договора, как истинное общее благо.

– Вы просто не понимаете Святого Учения, истинная любовь – та, что любит образ Божий в каждом человеке!

А он там есть? Некоторые экземпляры гомо-сапиенса настолько отвратительны и безнадежны, что любить их может только святой учитель. Подозреваю, "образ Божий" – это искра свободы, но проявляется она если человек стремится к свободе, к общему благу. Только такого человека можно уважать, только с таким можно договариваться. И только про такого можно сказать, что он сделан "по образу и подобию" творческого начала мироздания, свободы.

– Выходит, человек рождён "чистым листом" на котором можно написать всё, что угодно?

Человек рождён эгоистичным животным и чтобы стать свободным ему надо работать над собой опираясь на разум подаренный ему свободой. Он должен пройти вслед за мирозданием свою "малую эволюцию" – от детерминизма к

свободе.

– И в конце он умрёт!

Но не умрёт его вклад в общее дело.

– Тогда гуманизм! Всемирные организации, миллионы людей, миллиарды долларов... Уже почти всеобщий договор!

Светская версия христианства, проводящая в жизнь всё ту же безответную любовь ко всему живому? Подпирающая своим авторитетом глобализм, права меньшинств, животных и даже климата? Если христианство по крайней мере опирается на веру в бога, то гуманизм вообще ни на что не опирается, если не принимать всерьёз его веру в человека, в то, что он – нечто невысказанно хорошее, некая высшая ценность. Причём любой.

– Но если есть неисправимые эгоисты, общий договор явно невозможен!

Да, но всегда возможен частичный и это немало. А животные пусть остаются животными, что ж с ними делать.

– И что с ними делать?

Люди решат в итоге договора.

– Но если договора пока нет, этика неприменима, так?

Не совсем. Даже в отсутствие общего договора, человек может ею руководствоваться. Во-1-х, она даёт цель и смысл, а так же средства – созидать и творить, улучшая мир. И при этом распространять идеи договора, убеждать и искать сторонников. Во-2-х, она применима в быту, в ежедневном поведении – это отказ от насилия, от причинения вреда, противодействие насилию и несправедливости, поддержка любых действий направленных на свободу. По сути, этика – доступное толкование применения свободной воли,

противодействие детерминизму на личном уровне.

– За всё хорошее против всего плохого?

Теперь, по крайней мере, это интуитивное понимание добра и зла имеет правдоподобные метафизические основания.

– Не уверен... А кстати, у вас отказ от насилия или всё же борьба? Не совсем понятно.

Отказ от инициации насилия, кроме случаев восстановления справедливости и предотвращения причинения вреда. И конечно обязательно сопротивление насилию. Однако важно понимать, что такое субъективное применение объективной этики чревато ошибками, оно годится лишь как её временный заменитель, как меньшее из зол. Главное – договор. Конкретно, нельзя чинить насилие во имя любых вариантов свободы – будь то "светлое будущее", "общее благо", "прогресс" и т.п. – не спрашивая желания подопытных. А вот если те не желают искать компромисс и договариваться, им не на кого пенять.

– Ясно. Есть ещё одно веское возражение против свободы как основы этики. Экзистенциалисты утверждали, что свобода вне ценностей, вне добра и зла. Свободный человек волен создать себя как ему хочется. Это похоже на правду.

Ну и как ему хочется? Одно из двух: либо остаться животным, либо стать свободным. Но второй случай возможен только при двух условиях: если 1) человек преодолеет свой животный эгоизм, свои чувства, прихоти, потребности и т.п., обретёт полный самоконтроль, волю над собой – для того, чтобы свободно поставить себе общественно-полезную цель и 2) свобода станет главной ценностью в виде общего блага, разделяемого всеми свободными людьми и достигаемого совместными усилиями. А иначе – насилие друг к другу ради персональной, ложно

понятой "свободы" – свободы, по сути, остаться животным.

– Свободный человек – тот кто считает себя свободным, остальное от лукавого!

Да, свобода даёт возможность каждому толковать её как ему нравится. Для одного свободный – вышедший из тюрьмы, для другого – богатый, для третьего – неженатый. На самом деле "свободный" значит "этичный". Ибо, как и в случае общества, свободный человек должен постоянно стремиться к свободе, действовать, а не только думать и сомневаться.

– И что, есть такие свободные? По-моему это всё выдумки, чтобы заморочить людям головы и использовать для своих целей!

Всё хорошее в обществе создано творческими, свободными людьми, а всё плохое – теми, кто паразитирует и разрушает.

– Да что хорошего в современном обществе? Ложь, насилие, эксплуатация, разврат, дикость!

Это потому, что паразитов слишком много. Увы, быть творцом трудно, а паразитом легко – ведь подчиниться силам всегда легче чем бороться. И, кстати, чем больше паразитов тем легче – дурной пример заразителен.

– Э, да вы секта! Религия какая-то! Даже хуже, религия по крайней мере обещает вечную жизнь, придаёт смысл, а вы?!

Ну и в чём смысл этой загробной жизни? В бесконечном райском блаженстве? Мечта примитивного животного. А свобода дарит иной смысл – созидательный, по настоящему высокий, даже героический. Свободный человек преодолевает детерминизм, побеждает зло творя новый, лучший мир, а его деяния останутся навсегда в памяти

потомков – что может быть благороднее?

– Одни декларации! Бога можно любить, а свобода вообще непонятно что...

Свобода – нечто, отвергающее детерминированное бытие, это возможность необычайного, нового, желающего воплотиться в бытии. Это потенциальное существование, в отличие от детерминизма – предначертанного, гарантированного существования. Свобода – источник творения, создания, материализации непредвиденных, непредусмотренных и непредставимых возможностей. Свобода порождает новый мир, более сложный, многообразный, а потому – лучший. Бытие – лучше небытия, новое – лучше старого. Поэтому свобода имеет абсолютную ценность, но эта ценность – потенциальна, ценность для самой себя, потому что созданное, воплощённое в бытии, оказывается детерминированным, несвободным и ожидающим смерти, исчезновения в круговороте вечного движения. Ценность свободы доступна только свободным агентам, осознающим её, способным пользоваться ею, творящим новое. Свобода требует больших усилий.

– Ну и где вся эта абсолютная свобода в простой человеческой жизни?

Общественные блага произрастают из технических, социальных и духовных идей, а те – из достижений науки, искусства и, конечно, философии. Это, так сказать, реальные плоды свободы, ибо сущность благ – это всегда свобода, освобождение от детерминизма: тягот, трудностей, нехватки и т.п. Всё хорошее, что дарит человеку общество, истекает из свободы как высшего блага.

– Наоборот, из насилия! Общество заставляет трудиться в поте лица – так и создаются блага!

Так создаются блага для тех, кто заставляет. Смысл общественного договора в том, чтобы блага доставались

всем справедливо. Это способствует сотрудничеству и общему освобождению, иначе создаются условия для насилия. Но пока есть те, кто не желает честно вносить вклад, их придётся заставлять – ради общего блага.

– Они что, не желают свободы?

К сожалению не всем разум дан в равной степени. Некоторые просто живут как им предписано природой, не вникая в суть дела. Другие ошибаются, понимают свободу субъективно, презируют других и не желают договариваться. Третьим легче принуждать или обманывать, чем трудиться самим.

– А как труд связан со свободой?

Труд – претворение в жизнь идеи продукта, материального или духовного блага. Благо несёт освобождение, но свобода находится не только в конце труда, но и в его начале. В процессе воплощения идеи свобода проявляется на этапе рождения идеи, замысла, плана действий. Замысел – это проект, который детерминирует деятельность так же как и знания, а само рождение замысла, как и рождение знаний – акт свободного творения. Творчество есть наиболее "чистое" проявление свободы – в нём выявляется сущность творца.

– А что это, "сущность творца"?

Свобода, сокрытая в конкретной личности, в человеческом "я". Творя, человек выражает свою свободу и этим привносит её во внешний мир, делает его лучше, свободнее.

– Глупости! Человек вполне может сотворить какую-то гадость! Мало, что ли гениальных жуликов?!

Это всё ошибки свободы. Свобода не гарантирует успеха, а человек, когда творит, обязательно старается

ставить правильную цель. Спросите любого жулика, и он скажет, что обманывает потому что люди – это скот не заслуживающий права на счастье. Творческий человек просто не способен творить зло – он должен обязательно придать своим действиям моральную оценку, получить одобрение, стимул морального центра. И если договор с другими не состоялся, если был другими отвергнут, результат вполне может выглядеть как насилие по отношению к ним. Форма насилия зависит от конкретных обстоятельств, но факт в том, что даже ошибаясь, человек всё равно думает что он прав, что он творит добро.

– Чепуха! Слышали выражение "злой гений"?

Ещё одной причиной морального поражения творца может быть слабость воли, ведь разум включает разные компоненты и некоторые из них могут быть слабее других. Так, гениальный музыкант вполне может оказаться глупым человеком, а волевой государственный деятель испытывать нехватку воображения. В данном случае моральный центр оказывается подавлен рассудком и инстинктами, например страхом. Моральный центр, как и сама свобода, не действует постоянно, он проявляется спонтанно, и если творец не осознал своего предназначения, не придал ему надлежащий вес, его эгоизм в остальное время берёт верх. Эта борьба двух начал – одно из проявлений уникальности творческой личности, потому что уникальность собственного пути к добру – обязательное следствие и, пожалуй, условие свободы.

– Уникальность... Это что-то типа "быть свободным значит быть собой"?

Эта фраза – обыденное понимание свободы как свободы от препятствий, помех, противодействия. Однако в общем случае "быть самим собой" ещё не значит быть свободным, поскольку неясно, что значит "собой". Да, для свободного субъекта "быть собой" значит творить, но для всего остального "быть собой" – следовать своим законам.

Например, для животного без помех следовать своим желаниям или своим потребностям – определённо быть "собой", но едва ли это значит быть свободным. А скажем, свободен ли свободно падающий камень? Он подчиняется силе тяжести. Чтобы быть "свободным", камень не должен ни с чем взаимодействовать. Но такой камень никак не проявляется, его нет. Быть свободным – творить что-то исключительно своё, что-то действительно новое и на это способен только человек.

– Типа как мы сейчас творим этот диалог?

Примерно.

– А с чего вы решили что этот диалог стоит потраченного времени?

Врядли стоит, но авось найдётся кто-то когда-то вроде вас. Современный мир погряз в лжи, ошибочных теориях, идеологиях, борьбе интересов. Подорваны идеалы, утрачены цели, потерян смысл. Философия давно и безнадежно в тупике. Загадка свободы оказалась человечеству явно не по силам. Нужна новая этика, а этике нужна метафизика свободы.

– А зачем?

Хороший вопрос. Люди меняют мир и любая перемена начинается с ответа на этот сакраментальный вопрос. Философия, поскольку имеет дело со свободой, это по сути этика, а роль этики – помочь с ответом. Ни больше, ни меньше.

– Так помогите!

А вы сами-то на что? Раз свобода непознаваема, нет и общего ответа! Каждый волен дать свой ответ, и только из этих частных ответов складывается общее понимание – цели, смысла, добра и, в конце концов, свободы. Философия

лишь помогает, собирая всё это воедино. Вернее должна помогать. Вспомните главный вопрос философии.

– Так в этом причина почему философы спотыкаются на свободе?

Да, они пытаются дать один ответ за всех. Но глупо ожидать, что кто-то даст ответ, который каждый обязан найти сам.

– А нельзя менять мир не задаваясь дурацкими вопросами?

Можно, часто люди творят потому что им нравится или потому что не могут иначе, но это не меняет дела. Они просто принимают тот ответ, который дал за них кто-то ещё. Ведь они в любом случае творят для других.

– Я тоже хочу творить. Что для этого надо?

Во-1-х, воображайте то, чего нет. Во-2-х, учитесь, собирайте знания. Суть знаний – понимание будущего, и оно влечёт необходимость изменить его.

– Как знание влечёт необходимость изменить будущее?

Знание налагает ответственность. Если вы знали, но ничего не сделали, вы виновны.

– Ого!

Именно. Отсюда, кстати, видно что не только философия помогает науке, но и наука – философии. Знания не только расширяют наши творческие возможности, но и помогают договориться, а значит делают нас свободнее.

– Получается знания всегда влекут свободу?

Не так просто. Представим ситуацию – встретились

плотоядное и травоядное. И то, и другое знает, что будет дальше, знание это выработано эволюцией и отложено в инстинктах. Поэтому каждое действует на опережение – жертва убегает, хищник догоняет. На первый взгляд каждое стремится изменить будущее так, чтобы стать "свободнее" – жертва избавиться от опасности и выжить, а хищник избавиться от голода и тоже, таким образом, выжить. Но на самом деле, оба эти варианта детерминированы – они вероятностно предсказуемы. Настоящей свободы здесь нет и не может появиться. Теперь представим себе, что каким-то образом оказалось возможным сделать так, чтобы и "волки были сыты и овцы целы". Иначе говоря, обе стороны, зная будущее и не желая следовать предзаданному исходу, смогли проявить творческое воображение и договориться. В этом случае детерминизм оказался побежден и возникла свобода, потому что результат договора абсолютно непредсказуем – он требует творческого поиска, ведь мы даже не можем вообразить, как они должны договориться, чтобы все остались довольны! Отсюда видно, что знания не влекут свободу, но являются для неё необходимой предпосылкой: исход договора не вытекает из знаний напрямую, но только знание о закономерном будущем позволяет законы обойти.

– Но люди, теоретически, всегда могут договориться, а значит исход договора тоже детерминирован! Свободы опять не появится?

В том-то и проблема, что исход договора нельзя предугадать даже вероятностно. Люди во многом пока такие же хищники и их многие знания вовсе не помогают в договоре, что мы наблюдаем постоянно. Чтобы знания изменили мир к лучшему, необходимо думать о лучшем будущем, желать его. Сами по себе знания морально нейтральны, то изменение мира, которое они вызывают, вполне может оказаться случайным и, следовательно, к худшему.

– Но если люди хотят договориться, они непременно договорятся!

Это та же тавтология, что и с появлением нового: оно непременно появится. Проблема в том, что мы не знаем, как, когда и что будет в итоге.

– Если в каждом из нас заложена свобода, зачем нам надо договариваться? Разве собственной воли не достаточно для того, чтобы двигаться к общей свободе?

Свобода человека невозможна в одиночку. Сам по себе индивид не свободен, он – часть детерминированного мира. Можно сказать, что в нас заложена "часть" свободы, её составной элемент. Наша свобода проявляется только в обществе, в общем договоре, т.е. свобода заложена во всех нас вместе, а не в каждом в отдельности. Причём тоже самое видимо можно сказать и про все прочие объекты реальности – все они взаимодействуют и рождают новое только в процессе взаимодействия, а не сами по себе. Свобода – всегда общий феномен.

– Вы запутались. Если свобода проявляется в способности творить, то как эта же способность – только часть свободы?

Идеи, мысли, творчество непродуктивны, бесполезны сами по себе. Все эти проявления личности возможны только в обществе и только в обществе они могут быть реализованы до конца, привести к изменениям в мире, сделать его лучше, свободнее. Один человек – ничто, только все вместе мы можем быть свободны. Вспомните о вопросах.

– А что с ними не так?

Вопросы – проявления свободы, а наш диалог – часть договора. Само общество – это постоянный социальный договор, это непрерывное общение и выяснение точек зрения, это бесконечные вопросы и ответы. Так мы

формируем себя и одновременно формируем общество.

– Общественный договор – это просто такая теория. В реальности нет никакого договора, общество построено на насилии! Кого волнует о чём там люди между собой общаются?

Да, есть такая теория, призванная оправдать государственное насилие, придать ему "демократическую" легитимность. И общество, действительно построено во многом на насилии. Но ведь даже насилие не осуществляется в одиночку – субъектам насилия необходимо сперва договориться! И их очень волнует, о чём общаются объекты насилия, уж поверьте!

– Какой же это общественный договор? Издевательство!

Это пока частичный договор, фактически сговор против остальных. Общий договор остаётся за гранью возможного, люди пока договариваются в своём кругу, группе, сообществе и этот локальный договор не мешает им ненавидеть тех, кто к договору непричастен. Однако общий – и формальный! – договор несомненно состоится, пусть и в очень отдалённом будущем, когда этичные люди составят весомую часть общества.

– Болтовня останется болтовнёй. Общество – это насилие, пусть и групповое.

На самом деле, всё что есть в обществе возникает из идей и обмена мнениями – больше этому просто неоткуда взяться! И мы все – стороны общественного договора, кто больше кто меньше. И у нашего договора есть цель. Мы общаемся чтобы договориться, договариваемся чтобы сотрудничать, а сотрудничаем чтобы стать свободнее. Просто без этики социальный договор идёт неявно и неэффективно, часто он ведёт не к согласию, а к войне – ведь детерминизм тоже часть социальной реальности, как и свобода. Этика помогает сделать общественный договор

явным, осмысленным, открывает людям глаза на их общую цель, на свободу, которая и вокруг, и внутри нас. Этика помогает распознать насилие и избавиться от него, сформировав новые нормы, правила, институты, другие полезные социальные структуры – иными словами создать новую, лучшую социальную реальность. Именно так в обществе утверждается свобода. Именно её мы творим сейчас нашим диалогом, который впрочем чересчур затянулся.

Заключение. Истина?

– Так давайте наконец заканчивать, а то я устал уже от этой свободы. Почему сказанное можно считать правильным? Вдруг это всё одна большая ошибка?

Весьма вероятно в сказанном полно ошибок. Слова, понятия, категории и т.п. – лишь конструкции разума помогающие понять реальность. Но все эти конструкции опираются друг на друга, они нуждаются в точке опоры. В качестве такого основания подходит только пара свобода/детерминизм – свобода не объяснима ничем, детерминизм объясняется всем остальным. Почему? Потому что в разуме нет ничего предзаданного, априорного, кроме интуитивных ощущений свободы и её антипода. Разум "ощущает" их так же, как чувства ощущают материю. А дальше идут построения. Логичное, вместе с категориями сущностей – отражение детерминированного мира. Этическое, эстетическое, ценностное – отражение свободы. Детерминизм и свобода – наши понятия для этих интуитивных ощущений, которые скорее всего являются базовыми свойствами мироздания. Мироздание проявляет эти свойства – вот и всё что можно сказать о их существовании. Сравните со своими ощущениями.

– Сплошь абстракции.

Из описанного выше понимания мира вытекает самая убедительная, полная и стройная моральная система из созданных до сих пор. Она объясняет и мораль личных отношений, и социальную этику, и даже героизм. Этого невозможно вывести ниоткуда больше – ни из библии/бога, ни из Мирового разума и иного идеализма, ни из эволюции животных. А разве полноценная моральная система не является весомым доводом в пользу правильности нашего подхода?

– Что в ней полноценного?

Хотя бы то, что она отвечает на все основные моральные вопросы и заметьте – эти ответы единственно правильные. Она не только объясняет то, что люди не могли понять веками, но и указывает путь в будущее. Никакой, не то что реально работающей, но даже правдоподобно выглядящей альтернативы у человечества до сих пор нет! А вы ещё спорите тут. Не стыдно?

– Как это нет? Людями созданы десятки моральных теорий. Они что, все ложны?

Большую часть из них невозможно читать. Гедонистические отвратительны. Прагматические и утилитаристские постыдны. Гуманистические лживы. Перфекционистские ошибочны. Субъективистские и релятивистские ложны. Крупицы истины есть в деонтологии или в консеквенциализме, но и они не замечают непознаваемости свободы. Причина проблем как раз в том, что твёрдых, действительно метафизических оснований нет ни у чего из перечисленного. Есть только отвлечённые рассуждения разной степени глубины и общности о природе человека, о его душе, разуме, предназначении и счастье.

– А где у вас метафизика?

В привязке к объективной реальности. Ну оцените же наконец!

– Но эта привязка ненаучна! Чем ваша система отличается от религии, идеологии или ещё какого-нибудь вероучения?

Внешнее сходство не должно затенять смысл. В отличие от религии или идеологии, этика не нуждается в индоктринации, пропаганде и тем более насилии, чтобы быть воспринятой. Она интуитивно правильна, поскольку соответствует нашему нравственному чувству, моральной интуиции. Что касается научности, то есть и такие теории,

натуралистические, но они не лучше прочих – ибо тоже в упор не видят свободы.

– И что с того?

Этика не может быть "научной", всякая наукообразная этика – шарлатанство, ибо сама наука покоится на этике.

– Наука покоится на эксперименте, логике и здравом смысле!

Под такое "определение" науки не попадают большинство социальных наук и многие области естественных – те же космология и квантовая теория. В первых не применим эксперимент, а в последней – здравый смысл, да и с логикой там проблемы. Как эксперимент и логика объяснят эволюцию или свободную волю? Как вообще отделить науку от псевдо-науки?

– Как?

Ни эксперимент, ни логика, ни тем более здравый смысл не работают сами по себе. Всё это лишь полезные компоненты научного консенсуса, и если его нет – есть официальная наука и есть те, над кем смеются при жизни и признают после смерти. Сколько их таких, признанных? А сколько не признанных? Мы никогда не узнаем. Учёные не любят об этом говорить, но правда в том, что практически все открытия пробивают себе дорогу с трудом. Возникла уже целая "независимая" наука. А последние скандалы с климатом, вирусом? Официальная наука стала неотличима от идеологии. Напомнить, что это? Система взглядов защищающая конкретные интересы.

– Консенсус – когда все думают одинаково, к науке это не может относиться по определению. Ключ к открытиям – критическое мышление!

Но нельзя же бесконечно критиковать! Договор не

гарантирует истины, но только он требует объективной оценки и честного признания чужих аргументов.

– Люди несовершенны, им свойственно ошибаться.

Дело не в ошибках, а в том, что упорствуют в них, отторгают несогласных, изгоняют и травят. Чтобы научный договор заработал, его участники должны быть абсолютно свободны – и не только от системы, мнения коллег и преобладающих взглядов, но и от собственных недостатков включая лень, глупость, невежество, страх, жадность...

– Да где ж взять таких учёных?! Какие-то идеальные люди! Не, консенсус учёных – явная утопия...

Учёных, как и всех остальных, надо воспитывать. Всё в конечном итоге упирается в этику.

– Чтобы ваша этика заработала, надо верить в свободу, а как можно в неё верить, если даже в существование объективной реальности не всем удаётся?

Для умного человека нет проблемы верить в свободу – в конце концов он ставит "эксперимент" над свободой в течении всей своей жизни, он её доказывает своей жизнью! – а все прочие в той или иной степени аморальны.

– Нехорошо обижать людей!

Да они сами себя обижают. Объективной этике уже почти десять лет, но до сих пор никто не удосужился даже признать её существование! Им плевать – и при этом ещё считают себя людьми! Хуже того, когда пытаешься их просвещать, объяснять им, они глумятся и поливают тебя грязью. Как это возможно?! Где все эти философы, учёные, мыслители? Да просто нормальные люди? Хоть один!

– Десять лет и ни одного?! Неужели всё так плохо? А этики, моральные философы, это ж их прямой долг?

Да, агностики удивительные люди – не знают и знать не хотят.

– Разве философы агностики?

По отношению к этике люди делятся на три категории. Верующие полагают, что абсолютное добро – это Бог, им этика не нужна, поскольку у них всё сказано в священных текстах. Да и вообще, верующие мыслят иррационально, больше полагаясь на чувства, потому собственно они и верят в чудеса, удачу, реинкарнацию, астрологию, да мало ли что ещё... Разве им можно что-то доказать?! Вторая категория – рационалисты, они верят в науку (и одновременно в эволюцию!), они атеисты и материалисты, а в этике – эгоисты и релятивисты. Для них абсолютного добра нет, а моральные нормы – вопрос пользы, удобства, выгоды, привычки или вкуса. Доказать им его существование невозможно, поскольку их моральная интуиция молчит. Понятно, что глубоких философов из этих категорий не выйдет. Лучше всего дело должно обстоять с третьей категорией – агностиков. Именно им есть смысл что-то искать. Моральная интуиция подсказывает им, что добро абсолютно, но дальше дело почему-то не идёт, видимо непознаваемость добра их устраивает. Так и получается, что истина никому не нужна.

– Тогда это значит, что нет никакой объективной этики! Тем паче "интуитивно правильной"!

Но она есть!

– Есть только ваши идеи и они не имеют никакого отношения к истине. Вы же сами говорите, истинность вытекает из договора, а где он?

А вы как же? Вы же признались...

– Меня нет! Я – ваша выдумка!

...

– Ха-ха, нечего ответить? Наконец-то. Итак, завершаем: нет ни этики, ни свободы, ни...

Погодите! А как же я? Разве всё что я придумал – фантазия?

– Конечно! Вы просто сочинили нечто по вашему мнению правильное, громко назвали "объективной этикой" и ещё хотите, чтобы остальные восприняли вас всерьёз. Да кто вы такой? У вас ни известности, ни авторитета, ни должности, ни связей, ни таланта, ни даже денег! Кого вы собираетесь убедить?

А идеи? Они важнее! Я ведь стараюсь излагать...

– Да кому нужны идеи? Несуществующим свободным людям? Стараетесь вы...

Что же делать?..

– Пишите, распространяйте, может повезёт когда-нибудь. Тот самый счастливый случай, нулевая вероятность. Заодно и проверите свою теорию.

Это жестоко.

– Бывало хуже, между нами говоря.

Нет, как правило было наоборот! Люди всегда стремились к истине, а мудрость, учёность всегда пользовались уважением. Это в нынешнее время массового образования они стали считать себя умниками обладающими правом насмехаться над всем, что идёт вразрез с вложенными в них "истинами". Образование стало причиной поголовной невежественной самоуверенности. Люди не стали умнее, но при этом потеряли способность адекватно оценивать себя, потеряли способность стремиться к истине.

– Уж не хотите ли вы сказать, что образование вредно?!
"Дурака учить – только портить"?

Современное – однозначно! Раньше наивно считалось, что если массы научить грамотности они просветятся и станут свободными. Оказалось, надо не учить, а воспитывать! Однако и поныне всё ещё не воспитывают, а дают "знания", не осваивают мораль, а вбивают в головы идеологии. Но смысл-то именно в морали, в воспитании, ведь учиться люди и сами смогут – кому надо и интересно, у кого есть мозги и желание. А без морали нельзя! Без морали люди животные!

– Ну и что?

Как что?! Человек не может без свободы, а разум, мораль и свобода неразрывны!

– Вы же сами говорите – люди прекрасно обходятся без всего этого. Ни мораль, ни тем более метафизика их не интересует.

Хорошо, скажу понятнее. Без свободы нет морали, без морали нет права, а без права – государства. Мораль не заменит ни религия, ни идеология, проходили неоднократно. И посмотрите, свобода до сих пор политический идеал! О чём это говорит?

– Ни о чём. Да, людям нужна политическая свобода, но для собственных эгоистичных целей. Так они понимают "свободу".

Как человек в здравом уме может делить свободу на политическую, бытовую и метафизическую и при этом желать первую, обладать второй и не верить в третью? Даже если он запутался в метафизике, он не должен путаться в политике, а тем более в морали.

– Требования морали заведомо утопичны, оттого их никто и не воспринимает.

Идеалы всегда утопичны, но они нужны, чтобы не быть животным. Разговоры об утопии – дешёвая отмазка, оправдание лени и трусости.

– Такова жизнь. Чему учит история? Да и наука: этология, социобиология, эволюционная психология... надо ли продолжать?

Социальный дарвинизм какой-то.

– При чём тут социал-дарвинизм? Люди – животные, это научный факт. Истина не всегда приятна.

Отучайтесь говорить за всех. Мораль – личное дело.

– А что я? Я человек маленький. Я лишь обобщаю, обобщение – дорога к знаниям, ваши слова.

Отвечайте за себя. Вы животное?

– ...

А ведь вы согласились в начале, что хотите знать истину.

– Вы сами заманили меня своими уловками!

Нет, просто свобода вложенная в человека эволюцией может парадоксальным образом позволить ему отказаться от себя, поддаться животной природе, деградировать. Что и видим... Но тогда, раз ведёте себя как животные, будьте готовы сгнуться в борьбе за выживание.

– Почему это сгнуться? Может победить?

Ничему вас история не учит. Побеждают лучшие, более развитые и свободные. А вы и так уже отдали всю вашу свободу, осталось недолго. Свободные люди построят

общество без насилия, назовут его "этархией" и полетят к звёздам. А вы сдохнете в пламени эволюции. Вот и вся истина.

– Жестоко.

Сами виноваты. Будьте людьми.

– Ваша этика не только слишком требовательна, она ещё и оскорбительна! Ничего удивительного что вас никто не слушает.

Правда глаз колет? Потерпите, никуда не денетесь. Если есть мозги всё равно без истины не обойдётесь.

– Ваша этика основана на вере, она неубедительна!

Всё основано на вере – в себя, в людей, в идеалы... Без веры нельзя ставить цели. Без веры нет победы. Посмотрите какой вред нанес обществу материализм! Чистая рациональность бессмысленна. Рационализм – такой же дефект разума, как и иррациональность, рационалисты ничем не лучше верующих, слепая вера в науку не лучше веры в бога. Альтернативы этике нет. Она реально помогает. Её ключевое положение – свободу можно использовать как основу социального договора, не хуже других фактов объективного мира. На этике можно основать правильную политическую систему, покончить с идеологиями. С этикой истина сама просится в руки!

– Что-то не заметил.. А вообще мы отвлеклись: политика, идеология... Как насчёт метафизики?

В том-то и дело! Если то, что говорит этика кажется верным, то и объясняющая её метафизика недалеко от истины. Если отказать свободе в праве на объективное бытие, мораль теряет основание, а жизнь смысл. Добро просто обязано иметь объективные корни и кроме свободы на эту роль пригласить некого.

– И всё же странный способ объяснить мироздание – исходя из этики, не кажется вам?

Возможно. Но без моральной истины нет научной, нет цели, нет нас! Да, строго доказать объективную истинность чего бы то ни было нельзя, а потому существование и достижимость моральной истины необходимо постулировать – только так возможен договор и осмысленное будущее, ради чего стоит жить и работать. Свобода и есть искомая моральная истина, другой нет и быть не может.

– Человечеству тысячи лет и ничего, живём. Как раньше разбирались, так и будем.

Так дальше нельзя! Человеку нужны идеалы, а не только зарплата. Раньше так оно и было – до нынешней "научно-технической", а на самом деле рационально-материалистической революции: источник добра всегда был где-то вовне. Сначала оно проистекало от неба, солнца или света, потом античные философы поместили Благо в основание мироздания, потом понапридумали множество высших идеальных сущностей, некоторые из которых вы упомянули. Сейчас самое популярное осталось "бог", но объяснительная, а главное – объединительная сила этой идеи не намного лучше. Разум требует...

– Да ладно вам. Если потребует, наука разберётся. XXI век на дворе. Люди умные, грамотные.

На дворе – новое средневековье, опомнитесь! Срочно нужен массовый поворот назад к философии. Наука и философия взаимно дополняются – каждая без другой беспомощна. Предмет философии – свобода, предмет науки – детерминированный мир. Законы последнего требуют тонкого наблюдения и умения обобщать. Философия полагается в основном на интуицию, а интуиция человека изначально моральна. Без правильных мотивов нельзя понять то, что невозможно наблюдать, что требует глубокой

интроспекции. Наука познаёт, философия осмысливает. Сказанное выше – попытка нащупать основания для более-менее правдоподобной конструкции, проясняющей нашу свободу, и как следствие способствующей пониманию объективной реальности. Согласитесь, всё сказанное довольно очевидно, в нём нет ничего заумного да и просто сложного. Такой и должна быть философия – интуитивно ясной и доступной каждому, помогающей человеку ориентироваться, поддерживающей его в моральном поиске и творчестве.

– Ну прям такой...

Почти такой, конечно. Мы болтаем обо всём понемножку, а философия должна быть краткой, ясной, последовательной и т.п. Но всё равно, в чём смысл усложнения её языка и запутывания её выводов, превращения её в подобие науки, в систему формального знания и академического успеха? Философы – не секта посвященных охраняющая этику от простонародья. Напротив, на них лежит прямая моральная ответственность за общество, они должны быть его духовными наставниками. Как можно выяснить, что мы знаем о свободе? Спросить каждого свободного человека! Задача философии – привлечь людей к общественному договору, к общей дискуссии, помочь понять то, что не может объяснить наука, что понять не...

– Да-да, я уже в курсе. Спасибо за беседу. Теперь, действительно, стало намного непонятней.

Повторим?

– Пустое. Время жалко.

2015
2020 доп

Оглавление

Введение. Проблема	4
Философия, наука, человек	7
Пространство, время, развитие	22
Детерминизм, материя, движение, сила	33
Законы, причины, цели	51
"Неминуемый конец"	62
Вероятность, случайность, информация	74
Эволюция, самоусложнение	90
Свобода, воля, разум	107
Этика, договор, творчество	124
Заключение. Истина?	144